

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ—
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

С. И. БАЕВСКИЙ и З. Н. ВОРОЖЕЙКИНА

Новоиранская филология. Литературоведение

К середине 1842 г., когда директором АМ стал известный ирановед Дорн, музей располагал уже значительным собранием материалов для ведения иранистических исследований.

Наряду с 20-тысячной коллекцией восточных монет, большую часть которой составляли монеты иранские (в том числе доисламские) и среднеазиатские, в АМ была собрана также ценная коллекция памятников персидской письменности.

Персидская часть коллекции Руссо насчитывала более двухсот списков и представляла собой искусно подобранную рукописную библиотеку лучших произведений персидской литературы по истории, фольклору, религии, астрономии. Преобладающую и ценнейшую часть коллекции Руссо составляла поэзия и художественная проза в лучших образцах великих классиков: Анвари, Саади, Хафиза, Аттара, Джамии и др.

Поступления персидских рукописей ближайших лет дополнили это собрание хотя и единичными, но редкими списками не представленных ранее географических и исторических сочинений.

Первоначальный разбор персидского рукописного фонда АМ, так же как и самые ранние информации в печати о его составе, являются заслугой его первого директора — акад. Х. Д. Френа. Первая статья, содержащая сведения о персидских рукописях, была опубликована Френом уже в 1819 г.¹ Этим годом мы и должны датировать зарождение персидской филологии — старейшей наравне с арабской отрасли научно-востоковедения в стенах АМ.

Первая отечественная публикация персидской рукописи относится, по-видимому, к 1824 г., когда хранитель АМ арабист М. Г. Волков, владевший и персидским языком, напечатал во французском переводе небольшой фрагмент персид-

¹ Ф р е н, Предварительное донесение, 1819.

ского дорожника из Семипалатинска в Кашмир². В 1826 г. он же выступил со статьей, посвященной персидской рукописи АМ «Шериф-наме»³.

Крупнейший арабист и нумизмат своего времени Френ положил начало многим важнейшим направлениям научной деятельности АМ. Уже в 1819 г. им была поставлена задача создания печатного каталога так называемых мусульманских рукописей, о чем он сообщил в одной из статей⁴. Незавершенный каталог Френа, впервые систематизировавший по отраслям знания персидский (как арабский и тюркский) фонд, был самым ранним опытом каталогизации рукописных собраний АМ.

Ранние научные традиции АМ, прежде всего отношение к собранию восточных рукописей не как к коллекции музейных экспонатов, а как к базе научного исследования, успешно развил Б. А. Дорн, которому Х. Д. Френ еще при жизни передал руководство музеем.

Первый ирановед в стенах АМ Б. А. Дорн оставил заметный след в развитии нумизматики и историографии Востока; особенно велики его заслуги перед отечественным востоковедением в области изучения иранских языков и диалектов.

Персидская филологическая наука (в ее классических формах исследования письменных памятников и текстологических изысканий) также многим обязана деятельности Б. А. Дорна. При нем, с 1842 по 1881 г., собрание персидских рукописей увеличилось втрое. Как отдельные списки, так и более или менее значительные коллекции рукописей, приобретаемые в основном в Средней Азии и Иране, поступали в АМ почти ежегодно и тотчас получали освещение в систематических печатных информационных Дорна о новых приобретениях. Публикуемые списки рукописей содержали в необходимых случаях краткие аннотации и ссылки на имеющуюся литературу⁵.

В сфере пристального внимания Дорна, так же как ранее Френа, а впоследствии К. Г. Залемана, находились и собрания рукописей других хранилищ Петербурга. В 1844—1869 гг. Дорн совмещал работу в АМ со службой в ГПБ, где

² M. Wolkoff, *Route depuis Semipalatnoy jusqu'à Cachemir*, — JA, t. IV, Paris, 1824, стр. 226—229.

³ M. Wolkow, *Notices sur l'ouvrage persan intitulé Scheref Name accompagnée de quelques renseignements sur son auteur*, — JA, t. VIII, Paris, 1826, стр. 291—298.

⁴ Index librorum manuseriptorum Arabicorum, Persicorum et Turcicorum, qui in Museo Asiatico Acad. Scient. asservantur. Dorn, As. Mus., стр. 110, 209—210.

⁵ Библиографический указатель работ Дорна и Френа, содержащих списки поступивших в музей персидских рукописей, см.: О. Ф. Аким ушкин, Ю. Е. Борщевский, *Материалы для библиографии работ о персидских рукописях*, — НАА, 1963, № 3, стр. 169—172; № 6, стр. 228—241.

заведовал Отделением восточных языков, ориенталистики и богословия. На материалах фонда Публичной библиотеки Дорн издал в 1852 г. первый в отечественном востоковедении каталог восточных рукописей, где были описаны 254 персидские рукописи⁶, составлявшие более четверти всего рукописного собрания библиотеки. Каталог Дорна, выполненный с учетом всех требований науки своего времени, и ныне не имеет ни замены, ни продолжения.

С именем Дорна связаны в отечественном востоковедении и первые крупные труды по персидской текстологии. Опубликованные им в течение 1850—1858 гг. персидские тексты по истории Гиляна и Мазандарана, составившие серию из пяти объемистых томов⁷, по методике критико-филологической работы и четкости научного аппарата стоят на уровне современных требований науки. До настоящего времени эти публикации, дополненные введением исследовательского характера и научным обзором источников, остаются наиболее полным сводом материалов по истории прикаспийских областей.

Дорну принадлежат и более ранние критические публикации персидских рукописных источников (в отрывках), использованных им в пятитомной серии по истории Кавказа: Хафиз-и Абру, персидского перевода ал-Истахри, Хафт Иклим и Нузхат ал-Кулуб⁸.

В универсальной научной деятельности Дорна нашли место и литературоведческие работы: он опубликовал фрагменты из дивана афганского поэта Абдаррахмана; в приложение к грамматике афганского языка (пашто) издал отрывки из диванов Абдаррахмана и Мирзы Ансари; в хрестоматию по языку пашто включил извлечения из рукописей, содержащих произведения художественной прозы и поэзии, издал собрание стихотворений Эмира Пазевари (на мазандеранском языке)⁹.

Б. А. Дорн оставил свыше ста сорока опубликованных ра-

⁶ «Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale publique de St. Pétersbourg. St. Pbg., 1852. Персидские рукописи систематизированы по тематическим разделам, даны названия сочинений, основные сведения об авторе, краткая характеристика рукописи.

⁷ «Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres», hrsg., übersetzt und erläutert von B. Dorn, Th. I—V, St.-Pbg., 1850—1858.

⁸ Tabary's Nachrichten über die Chasaren, nebst Auszügen aus Hafis Abru, Ibn Asem-El-Kufy u. a., — Mém., VI ser., t. VI, 1844, стр. 445—601; Geographica, enthaltend Auszüge aus Istachry (persische Uebersetzung), Sakariya Kaswiny, Hamdullah Mustaufy Kaswiny und Amin Ahmed Rasy, — Mém., VI ser., t. VII, 1847, стр. 465—569.

⁹ Proben aus dem Diwan des afghanischen Dichters Abdurrahman, — Bull. sc., 1836, t. I, № 7, стр. 54—55; Auszüge aus afghanischen Schriftstellern, — Mém., ser. VI, t. V, 1845, стр. 581—643; A Chrestomathy of the Pushtu or Afghan language, St.-Pbg., 1847. Материалы к познанию иранских наречий, ч. 2, вып. 1 и 3. Мазандеранское наречие. Собрание стихотворений Эмира Пазевари, СПб., 1866.

бот, в значительной степени основанных на рукописных и нумизматических материалах АМ¹⁰.

Через девять лет после смерти Дорна руководство АМ принял на себя К. Г. Залеман — крупнейший иранист с мировым именем¹¹, обладавший редким знанием восточной библиографии и многолетним опытом хранения и каталогизации книг, приобретенным им за годы работы в университетской библиотеке (1871—1890) и во время европейских поездок, предпринятых им для знакомства с крупными библиотеками Лейпцига, Копенгагена, Берлина и Марбурга.

В результате целенаправленных поисков рукописей и старопечатных книг, предпринятых К. Г. Залеманом, неоднократно археографических экспедиций в Среднюю Азию и Иран, активных связей с библиотеками мира один только фонд персидских рукописей вырос за годы его работы на 1291 единицу¹²; более сотни персидских манускриптов передал в АМ сам Залеман¹³.

Стремительный рост фондов требовал повседневной напряженной работы по регистрации, хранению, научной обработке; львиную долю этого специфического труда, сочетающего неблагодарную техническую работу с утонченной эрудицией исследователя, выполнял сам Залеман¹⁴.

Укрепляя сложившуюся традицию, Залеман систематически помещал в печати информационные списки, вводящие в научный обзор вновь поступающие в АМ персидские рукописи¹⁵.

Замечательное искусство текстолога показал Залеман в своих публикациях, наметивших дальнейшие пути развития персидской текстологической науки. В качестве примера достаточно упомянуть издание персидского толкового словаря XIV в. «Мийар-и Джамали», который считался утерянным и был идентифицирован Залеманом по неуставленной рукопи-

¹⁰ См. основную библиографию работ Б. А. Дорна: Ливотова и Португаль, Востокведение, № 701—820.

¹¹ См.: А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, — ОИРВ, IV, 1959, стр. 79—115.

¹² Одним из активнейших поставщиков рукописей был ученик Залемана Л. Ф. Богданов; по заданию Залемана он купил для АМ в Иране 222 рукописи (174 персидских). Аналогичные поручения были возложены на В. А. Иванова, А. Ф. Хашаба, А. А. Семенова (см. Отчет РАН за 1918 г., стр. 102).

¹³ Обзор одной из собранных им коллекций см.: К. Г. Залеман, Отчет о поездке в Среднюю Азию, Приложение II. Список рукописей, приобретенных в Туркестанском крае летом 1897 г., — ИИАН, 1898, сер. V, т. VIII, стр. VI—VIII, XI—XIV.

¹⁴ В отчете о работе АМ за 1908 г. сообщается, что Залеман обработал более 2 тыс. мусульманских рукописей и закончил вчерне алфавитный каталог входящих в них сочинений, — Отчет ОФМ и ОИФ за 1909 г., стр. 96.

¹⁵ Акимушкин, Борщевский, Материалы для библиографии, стр. 172—173.

си. Залеман составил критический текст словаря¹⁶ по единственному и не вполне надежному списку, использовав для восстановления лакун и искажений манускрипты сочинений позднейших лексикографов, цитировавших «Мийар-и Джамали». Как издание и исследование этого словаря, являющегося по сути дела словарем рифм — четвертой частью известного поэтологического трактата XIV в., так и публикация персидско-турецкого фарханга «Лугат-и Шах-наме»¹⁷, сохранившего 1700 цитат из «Шах-наме» Фирдауси, весьма полезных для восстановления подлинного текста эпоса, небезынтересны для литературоведения.

Никогда не считавший себя литературоведом, Залеман проявлял серьезный интерес и к этой области иранистики. Первое монографическое и текстологическое исследование на русском языке, посвященное персидскому поэту, принадлежало именно ему — это была магистерская диссертация «Четверостишия Хакани»¹⁸. Во введении автор подчеркнул резкое несоответствие исключительной эстетической и историко-литературной ценности персидской поэзии, ее роли в истории всемирной литературы со скудостью сведений о ней, которые за сто с лишним лет обращения к предмету накопила европейская иранистика¹⁹.

Отмечая основную трудность — отсутствие надежной текстологической базы, Залеман считал главной задачей персидского литературоведения создание критических текстов. В качестве первого опыта такого рода он и рассматривал свою критическую публикацию двухсот тридцати четверостиший Хакани, дополненную глоссарием: создание авторских словарей Залеман считал задачей большой научной важности.

Первостепенное значение придавал он научной каталогизации рукописей — введению в обиход науки печатных систематизированных сводов, сохранившихся до нашего времени рукописных книг. Ученым было задумано создание трех крупных каталогов: каталог рукописей лексикографического содержания, имеющихся в отечественных собраниях, осуществленный частично в исследовательской рецензии Залемана на

¹⁶ C. Salemann, Shams i Fachrii Ispahanensis Lexicon Persicum id est libri Mi'jar i Gamali, pars quarta, Fasc. prior: textum et indices continens Casani, 1887.

¹⁷ C. Salemann, Abdulqâdiri Bagdâdensis Lexicon Sahnâmianum cui accedunt eiusdem auctoris in Lexicon Sâhidianum commentariorum turcici particula prima, arabici excerpta, Petropoli, 1895.

¹⁸ «Четверостишия Хакани», СПб., 1875.

¹⁹ Европейская наука располагала к этому времени только двумя общими трудами по новоперсидской литературе: «Geschichte der schönen Redekünste Persiens, mit einer Blütenlese aus zweyhundert Dichtern von Joseph von Hammer», Wien, 1818 — не вполне надежным переложением персидских тезкире Даулатшаха и Сам-Мирзы; «Biographical Notices of Persian Poets», by G. Ouseley, London, 1846, представляющей краткие биографические заметки о тридцати поэтах и писателях.

книгу П. Лагарда²⁰; сводный каталог мусульманских рукописей АМ, подготовительным материалом к которому были информационные статьи Залемана и тысячи написанных им от руки карточек; и, наконец, «каталог каталогов» — грандиозный труд, в который, по выражению С. Ф. Ольденбурга, Залеман вложил «...поистине изумительное знание персидских рукописей наших и европейских собраний» и который должен был послужить твердой почвой для изучения истории персидской письменности. Крайняя загруженность Залемана помешала ему, к сожалению, осуществить до конца этот, как и ряд других замыслов.

«Залемановский» период (1890—1916 гг.) составил целую эпоху в истории АМ. Музей превратился в одно из крупнейших в мире хранилищ памятников письменной культуры народов Востока, располагал богатейшей научной библиотекой по востоковедению²¹. АМ стал для мировой ориенталистики основным центром информации обо всем, что касалось русского востоковедения, которое к началу XX в. сконцентрировалось вокруг его коллекций.

Царившая в АМ атмосфера углубленного внимания к рукописи во многом определялась и деятельностью ст. ученого хранителя ираниста Ф. А. Розенберга. С 1918 г., после смерти ст. хранителя О. Э. Лемма, Ф. А. Розенберг становится фактическим руководителем всей повседневной внутренней жизни АМ, учредив свою, как вспоминает И. Ю. Крачковский, «совершенно своеобразную кафедру в Азиатском музее»²² по подготовке новых работников — знатоков обширных рукописных, архивных и книжных фондов. Розенберг осуществлял широкие научные связи с хранилищами мира, отвечал на все увеличивавшийся поток запросов, поступавших в АМ из других городов и стран²³.

Проникновенные строки посвятил хранительской деятельности Розенберга И. Ю. Крачковский в книге «Над арабскими рукописями». Четвертой главе книги автор дал подзаголовок «Памяти Ф. А. Розенберга»²⁴.

Только ничтожная часть многотрудной деятельности Розенберга как хранителя АМ нашла отражение в печати: это

²⁰ C. Salemann, Paul de Lagarde Persische Studien. Göttingen, 1884 — Litteraturblatt für orientalische Philologie, Bd II, Leipzig, 1884, стр. 74—86.

²¹ Научная библиотека К. Г. Залемана, насчитывающая около 1500 изданий по иранистике, влилась в 1917 г. в Библиотеку АМ (см. Отчет РАН за 1917, стр. 105).

²² И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. V, стр. 374.

²³ В архиве Ф. А. Розенберга хранится обширная переписка его с крупнейшими востоковедами его времени — свыше пятидесяти корреспондентов (ЛО ААН, ф. 850; ТААН, вып. 16, стр. 276—277).

²⁴ И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. I, стр. 60.

статья о поступлении персидских рукописей и три обзора для книги «Азиатский музей. Краткая памятка»²⁵.

В широком диапазоне научных занятий Ф. А. Розенберга значительное место занимало изобразительное искусство Ирана. Ф. А. Розенберг посвятил специальные исследования персидским тканям, коврам, сасанидскому серебру и резным камням²⁶. Предметом особого его внимания начиная с 1920 г. были позднеиранская и индийская живопись, прежде всего персидская миниатюра²⁷, в изучении которой Розенберг не имел предшественников. Осталась незавершенной самая большая искусствоведческая работа сводного характера — научное описание всех мусульманских миниатюр ленинградских собраний, над которым Розенберг работал совместно с сотрудником АМ арабистом-литературоведом В. А. Эbermanом. Последний, кстати сказать, занимался мало разработанной и до настоящего времени темой, лежащей на стыке арабского и персидского литературоведения, которая в обиходе именовалась «персы среди арабских поэтов». В своих работах Эberman²⁸ стремился проследить историю общей ирано-арабской литературной среды, которая, с одной стороны, породила молодую новоперсидскую поэзию, а с другой — способствовала культурному перерождению бедуинской арабской поэзии.

Неблагоприятные обстоятельства, связанные с ограниченностью полиграфической базы в 30-е годы, помешали опубликованию основного труда Розенберга — критического текста «Шах-наме» Фирдауси, который он подготовил, предполагая завершить известное издание Вуллерса-Ландауэра, остановившееся на трех томах (1877, 1879, 1884). Текст, подготовленный Розенбергом, в объеме 10 200 бейтов наименее известной исторической части «Шах-наме» по уровню критической работы, основанной в определенной мере и на рукописном материале, оставлял далеко позади своих западноевропейских предшественников. Он должен был составить четвертый том полного издания эпопеи²⁹.

²⁵ «Список мусульманских рукописей, поступивших в Азиатский музей за первое полугодие 1919 г.», — ИРАН, 1919, т. XIII, № 11, стр. 485—488. Розенбергу принадлежит общее редактирование книги и статьи по истории фондов: «Отделение книг на европейских языках», стр. 1—5; «Персидские рукописи и печатные книги», стр. 20—23; «Иран», стр. 28—32.

²⁶ См. список печатных работ Ф. А. Розенберга (ИАН СССР, сер. VIII, 1935, № 10, стр. 910—911).

²⁷ Персидская миниатюра конца XVI века работы Али Риза-и Аббаси (ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 177—189); Об индо-персидской и ново-индийской живописи («Восток», кн. II, 1923, стр. 83—91).

²⁸ В. А. Эberman, Персы среди арабских поэтов эпохи Омейядов, — ЗКВ, II, Л., 1927, стр. 113—154; его же, Ал-Хурейми, арабский поэт из Согда, — ЗКВ, V, 1930, стр. 429—450.

²⁹ Материалы к критическому изданию «Шах-наме» и описанию рукописей Персидского фонда, принадлежащие Ф. А. Розенбергу, хранятся в ЛО ААН.

«Когда в 20-х годах,— вспоминает Крачковский,— по инициативе С. Ф. Ольденбурга возник кружок крупных иранистов для изучения „Шах-наме“, руководителем его, по существу, явился Ф. А. В основе занятий лежал проработанный им критический текст, которого никто не знал так, как он; Ф. А. был основным арбитром во всех затруднительных случаях, предпринимал для разъяснения их целые исследования, которые, к сожалению, так и оставались в его материалах»³⁰.

«Книга царей» Фирдауси была любимым спутником Розенберга на протяжении всей его жизни, начиная со студенческих лет. Ученый свободно и разносторонне владел всем колоссальным материалом эпопеи, насчитывавшей около 60 тыс. двустуший. Это нашло отражение в нескольких его работах, из которых прежде всего надо упомянуть остроумное исследование о вине и пирах³¹.

Прослеживая синонимы, которыми обозначается вино (май, набйд, бӓде, шарӓб, мул, мӓз), цвет вина (цвет граната, рубина, янтаря, желтого золота, йеменского корналина), сырье для виноделия (виноград, финики, изюм) и примеси (мускус, амбра, розовая вода), винные сосуды (золотые и хрустальные кубки и чаши, украшенные жемчугом, гравированные надписями) и весь антураж пиршества, поводы для винопития, застольные обычаи, специально воспитываемые в юношах, очередность здравниц, Ф. А. Розенберг воссоздал в осязимо живых деталях красочные картины быта, бесценные с литературной и этнографической стороны.

К 1000-летию юбилею Фирдауси, праздновавшемуся в 1934 г., Розенберг подготовил совместно с известным переводчиком М. Лозинским изящный эксцерпт из «Шах-наме»³². Книга эта вышла уже после смерти ученого.

Круг исследователей, работавших на базе рукописных и книжных коллекций АМ, был всегда значительно шире скромного штата сотрудников. Теснейшим образом была связана с АМ научная деятельность виднейшего ираниста В. А. Жуковского³³.

Ученик В. Р. Розена и К. Г. Залемана, профессор и декан

³⁰ Крачковский, Избр. сочинения, т. V, стр. 376—377.

³¹ Ф. А. Розенберг, О вине и пирах в персидской национальной эпопее,— Сб. Музея антропологии и этнографии при Российской АН, 1918, стр. 375—394.

³² «Абу-л-Касим ал-Туси, называемый Фирдауси. Книга царей, Шах-наме», Academia, 1934.

³³ Очерк жизни и творчества Жуковского см.: В. В. Бартольд, Памяти В. А. Жуковского,— ЗВОРАО, XXV, 1921, стр. 399—415; С. Ф. Ольденбург, Валентин Алексеевич Жуковский,— ИРАН, 1919, № 2, стр. 2039—2068; П. П. Бушев, Жизнь и деятельность В. А. Жуковского,— ОИРВ, IV, 1959, стр. 116—137; ОИРВ, V, «Памяти В. А. Жуковского», М., 1960. Список научных трудов В. А. Жуковского см. там же, стр. 140—145.

ФВЯ Санкт-Петербургского университета, В. А. Жуковский был филологом с широким кругом интересов, охватывавшим иранские языки и наречия, текстологию, персидскую классическую литературу, современную литературу, фольклор. В каждой из этих областей, по утверждению современников, труды В. А. Жуковского были крупным шагом вперед.

Академик В. В. Бартольд связывал имя Жуковского с новым этапом в развитии отечественной иранистики — обращением к Ирану мусульманскому, сетуя на то, что пристрастие к древней культуре Ближнего Востока и пренебрежение к истории современных восточных народов привело к вопиющей диспропорции в развитии иранской филологии³⁴.

Это положение нашло наглядное воплощение в известном компендиуме, изданном на рубеже XIX—XX вв.³⁵. Истории новоперсидской литературы, включенной в книгу³⁶, отведено пропорционально рассматриваемому материалу значительно меньше места, чем истории домусульманского Ирана, воссозданной в результате глубокого и всестороннего исследования памятников.

Сформулированная К. Г. Залеманом важнейшая задача иранской филологии как критическое комментированное издание произведений крупнейших авторов и изучение на этой основе «развития литературы и господствующих в ней идей» побудили Жуковского написать магистерскую диссертацию, посвященную творчеству выдающегося персидского поэта XI в. Анвари³⁷. Работа Жуковского, скромно названная им «Материалы», выполненная под руководством В. Р. Розена и К. Г. Залемана, в действительности представляла собой первое в науке критическое издание части дивана Анвари с монографическим описанием жизни и творчества поэта. Жуковский дополнил издание публикацией извлечений из восточного комментария на касыды Анвари и сведений персидских тезкире. Этот серьезный филологический труд был основан на **22** рукописях петербургских хранилищ (девять из них в АМ).

Книга Жуковского была сразу же внимательнейшим образом прорецензирована К. Г. Залеманом³⁸. При общей высокой оценке рецензент скрупулезно вскрыл ряд погрешностей в трактовке стихов Анвари. Эта часть рецензии Залемана

³⁴ В. В. Бартольд, Памяти В. А. Жуковского, стр. 399; В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925, стр. 147.

³⁵ «Grundriss der iranischen Philologie», Bd I—II, Strassburg, 1895—1904.

³⁶ H. Ethé, Neupersische Litteratur, — GiPh, II, стр. 212—318.

³⁷ ЛО ААН, ф. 87, оп. 1, № 111, стр. 7—8; «Аме Аухадэддин Энвери, Материалы для его биографии и характеристики», СПб., 1883.

³⁸ К. Г. Залеман, В. А. Жуковский, Али Аухадэддин Энвери, — ЖМНП, ч. 230, 1883, ноябрь, стр. 160—176.

чрезвычайно поучительна для критико-филологических методов работы над поэтическим текстом. В 1897 г. Жуковский выступил со статьей «Омар Хайам и странствующие четверостишия»³⁹, где впервые были сформулированы научные принципы критики текста и установления подлинности стихов, приписываемых Хайаму, что было безусловным шагом вперед в развитии методов персидской текстологии.

В результате кропотливой работы над широким кругом рукописей Жуковский с документальной точностью показал, что по крайней мере пятая часть приписываемых Хайаму четверостиший (82) преимущественно с идеями эпикурейства и скептицизма «странствует» в диванах тридцати девяти других персидских поэтов: Салмана Саваджи, Аттара, Хафиза, Джалал ад-дина Руми, Анвари, Ансари, Аухад ад-дина Кирмани и других, менее известных авторов. Это до известной степени объясняло загадочную противоречивость взглядов великого поэта-вольнодумца.

Исследования Жуковского об Анвари и Хайаме, так же как и книга Залемана о Хакани, основанные на тщательных текстологических изысканиях, положили начало петербургской критико-филологической школе персидского литературоведения, получившей широкое признание в мировой науке.

Командировки Жуковского в Иран в 80-е годы имели решающее значение в формировании научных интересов ученого⁴⁰. Он проводит эти годы в напряженном труде по овладению разговорной речью, сбору языковых, этнографических и литературных материалов, в поисках и покупке книг и рукописей⁴¹. Живое общение с населением, обилие новых материалов побудило Жуковского к изучению современной духовной и литературной жизни Ирана.

В ряде изученных областей Жуковский выступил ученым-первооткрывателем, в частности в научном исследовании персидской народной литературы⁴². Собранные им в Иране фольклорные материалы — народные романсы-таснифы, свадебные и колыбельные песни, загадки, стихотворные присказки, песни чарвадаров, народная сатира в записи и переводе, со словариком редких слов — составили фундаментальное издание, отмеченное по выходе большой золотой медалью Геогра-

³⁹ «Ал-Музаффарийя», стр. 325—363. Статья была тотчас же переведена на английский язык — E. D. Koss, — JRAS, 1898, стр. 349—366.

⁴⁰ П. П. Бушев, К вопросу о поездке В. А. Жуковского в Иран, — ОИРВ, V, стр. 115—120.

⁴¹ 28 персидских рукописей из коллекции Жуковского поступили в собрание АМ в 1919 г. (см.: Ф. А. Розенберг, Список мусульманских рукописей).

⁴² До него была только одна большая работа: A. Chodzko, Specimens of the Popular Poetry of Persia, London, 1842, где записи фольклорных произведений приведены в переводе, без персидского оригинала.

фического общества. Дополненные рядом статей и докладов⁴³, «Образцы» явились первым, по существу, научным опытом систематизации и анализа — с этнографической и литературно-художественной стороны — произведений персидской народной словесности.

Столь же свежими по материалу и освещению были статьи и заметки Жуковского, посвященные странствующим сюжетам мировой литературы в литературе персов (Шемякин суд, Соловей и Муравей, Варлаам и Иосаф), популярной и лубочной литературе⁴⁴, в которой ученый уловил живое дыхание времени.

Безусловно первым из европейских исследователей Жуковский выделил в качестве самостоятельного и важного объекта исследования — *бачехани* — детское чтение, самую доступную и распространенную литературу, соками которой по преимуществу и питается, по замечанию ученого, значительная часть персидского населения⁴⁵.

Основным предметом научных занятий Жуковского со времени поездки в Иран и до конца жизни становится религиозная жизнь иранского народа в прошлом и настоящем. Пребывание в Иране позволило ученому собрать уникальный материал к характеристике различных дервишеских толков — ниматуллахи, хаксар, джалали, увейси, рафаи и др., наглядно изучить деятельность современных сект и орденов, что нашло отражение в ряде его статей. Жуковский обращается к изучению суфизма, игравшего на протяжении веков определяющую роль в истории культурной и литературной жизни Ирана и других стран Ближнего и Среднего Востока. В этой области его работы заложили основы суфиеведческого направления в отечественной иранистике.

Рукописные хранилища Петербурга, и прежде всего АМ, располагавший многими сотнями рукописей суфийских произведений, предоставляли богатые возможности для изучения суфизма. По редким манускриптам, используя в фотокопиях списки Ташкента, Лондона, Вены и Копенгагена, Жуковский дал научные издания трех крупных памятников пер-

⁴³ «Образцы персидского народного творчества», СПб., 1902; «Колыбельные песни и причитания оседлого и кочевого населения Ирана», — ЖМНП, ч. 261, 1889, январь, стр. 93—126; «Персидская свадьба в песнях», — ИРГО, вып. III, т. XXV, 1889, стр. 28—29; «Образцы персидского базарного стихотворства на современную тему», — ЗВОРАО, т. VIII, 1893, стр. IV.

⁴⁴ «Персидская версия Шемякина суда», — ЗВОРАО, т. V, 1891, стр. 157—178; «Соловей и Муравей», — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 304—307; «Образчик персидского юмора», — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 316—318; «Черты современного положения Персии в ее литературных произведениях», — ЗВОРАО, т. XVI, 1904, стр. XVI.

⁴⁵ Коллекция изданий «детского чтения», собранная В. А. Жуковским в Иране, ныне хранится в библиотеке Восточного факультета ЛГУ.

сидского суфизма⁴⁶, более всего касающихся жизни и деятельности известного суфийского шейха XI в. Абу Саида Мейхенейского, которому традиция приписывает множество популярных четверостиший.

Оригинальные исследования с элементами анализа художественных особенностей суфийской поэзии Жуковский посвятил двум другим крупнейшим суфийским поэтам XI в.— Абдаллаху Ансари и Баба Тахиру⁴⁷. В речи «Человек и познание у персидских мистиков» ученый сделал ценную попытку проанализировать почти не затрагивавшиеся исследователями ранние суфийские источники — «Псевдо-Маназил ас-Саирин» Ансари, «Кашф ал-махджуб» Джуллаби, «Мирсад ал-ибад» Рази и др., что дало ему возможность проследить основные начала суфизма, обрисовать фигуры суфийских наставников и пути их влияния на народные массы⁴⁸.

Высказанное в печати намерение посвятить Абу-л-Хасану Харакани, Ансари и Баба Тахиру, так же как и Баба Кухи, специальные монографии с изданием текста не было, к сожалению, осуществлено Жуковским. В архиве ученого хранятся значительные по научной ценности подготовительные материалы к этим и другим работам, в частности сводный текст и перевод «Мунаджат» и критический текст 124 четверостиший Ансари, критический текст дивана Баба Кухи (284 стихотворения) и 279 четверостиший Баба Тахира, собранных по пятнадцати рукописям⁴⁹.

Со времени Жуковского персидское литературоведение прочно входит в круг научных направлений, разрабатываемых в АМ. Прямое продолжение его начинания нашли в научной деятельности его учеников — сотрудников АМ В. А. Иванова, Ю. Н. Марра и А. А. Ромаскевича.

1 января 1915 г. на должность мл. ученого хранителя был зачислен магистрант В. А. Иванов, окончивший ФВЯ Санкт-Петербургского университета в 1911 г. В предшествующие поступлению в АМ годы (1910—1914) В. А. Иванов служил в Учетно-ссудном банке в Персии, где совершил несколько продолжительных поездок, посетив Энзели, Тегеран, Исфахан, Мешхед, Бирджанд, Хамадан, Керманшах, Шираз и др.

⁴⁶ «Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Саида. Толкования на четверостишия Абу Саида», СПб., 1899; «Жизнь и речи старца Абу Саида Мейхенейского», СПб., 1899; «Раскрытие скрытого за завесой», Л., 1923 (издание посмертное, подготовленное А. А. Ромаскевичем).

⁴⁷ «Песни Хератского старца», — «Вост. заметки», СПб., 1895, стр. 79—113; «Кое-что о Баба Тахире Гольше», — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 0104—0108.

⁴⁸ «Годичный акт имп. С.-Петербургского университета», 1895, стр. 97—128.

⁴⁹ АВ, ф. 17, оп. 1. Подробное описание архива Жуковского см.: Ю. Е. Борщевский, К характеристике рукописного наследия В. А. Жуковского, — ОИРВ, V, стр. 28—33; А. Т. Тагирджанов, Диван Баба Кухи в исследованиях В. А. Жуковского, — там же, стр. 59—62.

Во время этих путешествий Иванов, воспринявший от своего учителя В. А. Жуковского интерес к живой народной речи, собрал ценный материал по иранской диалектологии и народному творчеству, что послужило основой его первых печатных выступлений и во многом определило становление молодого ученого как диалектолога и фольклориста. В статье о персидской народной поэзии он опубликовал 68 коротких народных стихотворений (50 четверостиший, 16 свадебных песен и др.), записанных на маршруте Бушир — Шираз — Йезд — Табас — Себзевар — Кучан — Ашхабад, предпослав публикации любопытный литературно-художественный анализ⁵⁰.

Идя вслед за Жуковским, он сформулировал четкие критерии подлинности произведений народной поэзии — жизне-радостной, здоровой, предельно конкретной в образах, чуждой религиозности и мистики, во многом прямо противоположной письменной персидской литературе. Значительную ценность представляло высказанное в статье наблюдение, что население Ирана, пользующееся в живой речи исключительно диалектами, часто далекими от литературного языка, в произведениях народного творчества переходит, как правило, на литературный персидский язык.

Не без влияния Жуковского Иванов в первые же годы научной деятельности проявил серьезный интерес к религиозно-философским учениям Ирана, суфизму и деятельности современных сект, а впоследствии сосредоточил его на исмаилизме. Статья об исмаилитских рукописях АМ, написанная в годы работы в музее, стала первой работой Иванова в длинном списке опубликованных в дальнейшем трудов по истории и философии исмаилизма, составивших целую специальную библиотеку в 49 названий⁵¹; часть из них выполнена по материалам рукописей АМ⁵².

Уже во время поездок по Персии возник исключительный интерес Иванова к восточным рукописям и редкое умение их коллекционировать. В апреле 1915 г. Иванов был командирован АМ в Бухару для сбора рукописей и ознакомления с местным дервишизмом. Результатом этой командировки (две поездки) была так называемая Бухарская коллекция мусульманских рукописей, насчитывающая 1057 томов; ее дополня-

⁵⁰ «Несколько образцов персидской народной поэзии», — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 33—59.

⁵¹ «Отрывок книги шиитской секты Али-Илахи», — АВ, ф. 19, оп. 1, № 24; «A Biography of Shaykh Armad-i-Jam», — JRAS, 1917, стр. 291—365; «Исмаилитские рукописи Азиатского музея», — ИАН, Пг., 1917, стр. 359—386; «List of Publication by W. Ivanow up to 1-st January 1962» [б. г., б. м.].

⁵² «Ismailitica», — Memoir of the Asiatic Society of Bengal, vol. VIII, 1922, стр. 1—76; «Notes sur l'Ummu'l Kitab des Ismaeliens de l'Asie Centrale», — REI, 1932, стр. 69—78; «Kalam Pir of Badi Sayyid Nasir», — JRAS, 1935, стр. LXVIII; «Ummu'l Kitab», — DI, 1936, стр. 1—132.

ли 185 местных литографических изданий, не представленных в АМ⁵³. Ценная и разнообразная по подбору коллекция персидских манускриптов, пополнившая с помощью Иванова фонды АМ, исчислялась в 635 томов, что было самым большим поступлением персидских рукописей за все время существования хранилища.

В. А. Иванов работал в АМ до 15 мая 1918 г.⁵⁴, дальнейшая его деятельность протекала в Индии и Иране.

* * *

К 1917 г. академическое ирановедение подошло со сложившимися традициями и богатой материальной базой: литература по иранистике составляла одну из лучших частей книжных фондов АМ⁵⁵. Собрание персидских рукописей, значительно пополнившееся в первые послеоктябрьские годы⁵⁶, насчитывало в начале 20-х годов свыше 2 тыс. томов. Оно было одним из самых значительных как по объему, так и по составу среди хранилищ мира. Почти половину этой коллекции составляли рукописи литературного содержания.

Как на протяжении предшествующего столетия, так и после Октябрьской революции иранистика осталась в АМ одним из ведущих направлений. Сама жизнь диктовала ей теперь новые, более широкие научные задачи. Живое участие в развитии советской иранистики принимал директор

⁵³ В архивных материалах В. А. Иванова, хранящихся в АВ, есть составленный Ивановым на месте, по мере приобретения рукописей, «Список арабских, персидских, турецких и еврейско-персидских рукописей, приобретенных для Азиатского музея в 1915 г.» (ф. 19, оп. 1, № 12). Там же хранятся гранки неопубликованной его статьи «Предварительный список рукописей Азиатского музея Бухарского собрания В. А. Иванова, 1915 г. I — Персидские рукописи» (там же, № 14). Описание арабских рукописей Бухарской коллекции см.: В. И. Беляев, Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения АН СССР, Л., 1932, стр. I—XVII, 12—52; описание еврейско-персидских рукописей см.: А. А. Фрейман, Список рукописей, приобретенных для Азиатского музея Российской академии наук В. А. Ивановым в Бухаре в 1915 г. II — Еврейско-персидские рукописи, — «Азиатский сборник», НС, Пг., 1918, стр. 1279—1282. См. также: Отчет ФМО и ИФО за 1915 г., стр. 12.

⁵⁴ В АВ хранятся некоторые научные материалы Иванова этих лет по разделам: списки рукописей; работы по суфизму, исмаилизму и мусульманской логике; биографические материалы (личные документы, рисунки, фотографии, заметки и записи); письма; также 15 литографий (12 персидских, 3 арабских и урду). Архивные материалы Иванова хранятся также в библиотеке Восточного факультета ЛГУ (рукописные материалы по персидской литературе, тетради с записями о поездке в Иран, записные книжки и др.) (см.: А. Т. Абрамов, Библиотека Восточного факультета, — «Востоковедение в Ленинграде», УЗЛГУ, № 296, СВН, вып. 13, Л., 1960, стр. 187).

⁵⁵ Аз. Муз. Памятка, стр. 32.

⁵⁶ Ванская коллекция 1917 г. — 39 рукописей; коллекция Учебного отделения МИДа 1919 г. — 168 рукописей. Также несколько частных коллекций: А. А. Семенова (1921) — 10 рукописей, А. А. Половцева (1919) — 13 рукописей и др.

АМ С. Ф. Ольденбург, привлечший к постоянному творческому общению иранистов города⁵⁷.

Одной из форм этого общения, частично возмещавшей недостаточные печатные возможности, сопряженные с трудностями первых лет строительства Советского государства, был уже упоминавшийся выше «Кружок для изучения „Шахнаме“», на заседаниях которого ставились и обсуждались самые сложные вопросы персидской литературы. Под руководством С. Ф. Ольденбурга в нем были объединены все крупнейшие специалисты: И. А. Орбели, А. А. Фрейман, А. А. Ромаскевич, Ф. А. Розенберг. Молодые иранисты, Е. Э. Бертельс и Ю. Н. Марр, принятые на работу в АМ в начале 20-х годов, прошли в этом кружке, по выражению Бертельса, «...изумительнейшую школу для молодых востоковедов»⁵⁸.

В 1921 г. в АМ вернулись рукописные коллекции. Размещением рукописей, их инвентаризацией и научным описанием занялись Е. Э. Бертельс и Ю. Н. Марр.

«Для нас обоих, — вспоминает Бертельс, — это был один из самых блаженных моментов жизни. Все бесконечные богатства этих замечательных коллекций сразу разверзлись перед нами, и каждый день, проведенный за разборкой рукописей и установкой их по старым местам, приносил новые открытия и новые радости»⁵⁹.

Стоит принять во внимание состояние иранистики в 20-е годы, когда специалисты-литературоведы не располагали надежными изданиями памятников на персидском языке (их практически не было, были только восточные литографии, как правило низкого качества), чтобы представить первостепенное значение рукописных коллекций как почти единственной, потенциально неизмеримо богатой научной базы для филологических и литературоведческих исследований.

Самые ранние работы Ю. Н. Марра были подсказаны материалами Рукописного фонда АМ⁶⁰. Все они — проявле-

⁵⁷ С. Ф. Ольденбург, исследовавший и иранистические материалы, — автор интересной литературоведческой работы, основанной на тщательном исследовании персидских рукописей зарубежных хранилищ: «О персидской прозаической версии „Книги Синдбада“ — «Ал-Музаффарийя», СПб., 1897, стр. 253—278; см. также статью С. Ф. Ольденбурга «Персидский извод повести о Варлааме и Иосафе», — ЗВОРАО, т. IV, 1889, стр. 229—265.

⁵⁸ Е. Э. Бертельс, Ю. Н. Марр и персидская литература, — ТТбГУ, т. 108, 1964, стр. 62.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ «Газель Низами в рукописи Азиатского музея», — ДАН-В, 1924, стр. 51—53; «О двух персидских версиях поэмы „Лейла и Меджнун“» — там же, стр. 68—71; «Газели и рубаи Низами в Хафт-иклим», — там же, стр. 90—93; «Касыда Низами в рукописи Азиатского музея», — там же, стр. 94—96; «Сборник трактатов о стрельбе из лука», — ДАН-В, 1925, стр. 35—38.

ние его стойкого интереса к великому поэту Низами, интереса, выкристаллизовавшегося, не без влияния С. Ф. Ольденбурга, в основной творческий замысел Ю. Н. Марра — создать крупную монографию, посвященную поэту. Этот замысел перерос впоследствии в комплексную программу работ, включавшую изучение всей эпохи Низами, персидско-грузинских литературных связей и, наконец, подготовку полного авторского словаря поэта, наследие которого, как известно, насчитывает не менее 18 тыс. двустиший.

Исследования персидско-грузинских литературных связей, которые Марр особенно увлеченно и плодотворно вел по линии Хакани—Низами—Руставели, были затем расширены за счет литературной эпохи Фирдауси, эпическая поэма которого сыграла заметную роль в развитии древнегрузинской светской литературы⁶¹.

Редкое сочетание широкой иранистической подготовки с углубленным знанием кавказского мира позволило Марру проследить пути тесных соприкосновений в историческом развитии обеих литератур. Особую ценность представляло наблюдение Марра, что Грузия, знавшая в X—XIII вв. персидскую литературу не хуже самих персов, сохранила в переводах многие величайшие памятники персидской классики, нередко даже те, которые бесследно исчезли в самом Иране⁶².

В 1925 г. Ю. Н. Марр был командирован АН в Иран для изучения современной литературы и ознакомления с постановкой библиотечного дела. Пребывание в Иране (март 1925 — сентябрь 1926 г.) было периодом интенсивного сбора материала, диапазон которого был очень широк⁶³.

Лишь частичное использование этого материала дало вскоре жизнь статьям Марра о персидской фонетике, линейной речи и системе счета на пальцах у персов, о типографиях Ирана, о радениях секты «людей истины» и др. Ценные фактические данные содержали статьи Марра по народной поэзии и народному театру⁶⁴.

Личные впечатления Марра о литературной жизни Ира-

⁶¹ «Хакани — Низами — Руставели», I, М.—Л., 1935; Ю. Н. Марр, К. И. Чайкин, Хакани — Низами — Руставели, II, Тбилиси, 1936; «Шахнаме и грузинская литература», — Ю. Н. Марр, Статьи и сообщения, т. II, М.—Л., 1939, стр. 91—93.

⁶² «Из грузино-персидских литературных связей», — там же, стр. 132—136.

⁶³ Ю. Н. Марр собрал в Иране для АМ значительную коллекцию печатных книг и периодических изданий, — Отчет АН СССР за 1926 г., стр. 220.

⁶⁴ «Образец бахтиярской литературы», — ДАН-В, 1927, стр. 55—58; «Персидский петрушка», — «Театр народов Востока», Л., 1927, стр. 15—17; «Кое-что о Пеплеван-кэчэле и других видах народного театра в Персии», — «Иран», II, стр. 74—88.

на⁶⁵, в которую он окунулся с первых дней своего приезда, явились органическим дополнением к очерку новейшей персидской литературы К. И. Чайкина⁶⁶, обстоятельной, несмотря на свою сжатость, первой (и в течение десятилетий единственной) книге по персидской литературе XX в., переживавшей период становления и поисков.

Едва ли не единственными в своем роде остались исследования Марра, посвященные фонетике и метрике персидского стиха и способам его скандирования⁶⁷.

На АМ приходится самый ранний — весьма краткий (январь 1922 — осень 1926 г.)⁶⁸ — период научной деятельности Марра. Вскоре после возвращения из Ирана, в 1927 г., ученый переехал, понуждаемый состоянием здоровья, на курорт Абастумани. В КИАИ Марр продолжал исследовать сложные лингвистические и литературоведческие проблемы, среди которых центральное место занимали по-прежнему грузино-персидские параллели, вопросы перевода, история персидской литературы XIX в. и ее раннего периода, более всего «Шах-наме».

В 1934 г. Марр принял участие в Международном конгрессе в Тегеране, посвященном 1000-летию Фирдауси. Доклад Ю. Н. Марра «Стихотворный размер „Шах-наме“», прочитанный (так же как и приветственное слово от имени АН СССР и Эрмитажа) на персидском языке, с искусной музыкальной скандировкой персидских стихов, привлек самое широкое внимание ученых и общественности. Иранское правительство отметило труды Ю. Н. Марра орденом «За научные заслуги».

Ранняя смерть на сорок третьем году жизни прервала научное творчество Ю. Н. Марра в самом расцвете. Опубликованное наследие Ю. Н. Марра (частично на персидском и грузинском языках), составляющее более ста работ⁶⁹, до-

⁶⁵ «Из тегеранских литературных впечатлений», — «Статьи и сообщения», т. II, стр. 255—269; «Отрывок из „Книги о голоде“ Мирзы Моисея Дэстгерди», — ИАН СССР, 1928, стр. 218—226; «Современные средства передвижения в изображении персидских поэтов», — ЗКВ, V, 1930, стр. 221—234.

⁶⁶ К. И. Чайкин, Краткий очерк новейшей персидской литературы, Л., 1928.

⁶⁷ «„Долгий размер“ борудженца Феррохи», — «Статьи и сообщения», II, стр. 17—26; «Выражение фонетики стиха в персидском письме», — ИАН СССР, 1934, № 2, стр. 137—178; «Как читать персидские стихи», — В. С. Пугуридзе, Начальная хрестоматия персидского языка, М.—Л., 1935, стр. 29—31; «Примеры скандовки стихов», — там же, стр. 32—33; «Стихотворный размер „Шах-наме“», — «Статьи и сообщения», II, стр. 55—76.

⁶⁸ Эти даты, отсутствующие в опубликованных сведениях о Марре, установлены при содействии Н. В. Елисейевой, обнаружившей в архивных материалах ученого анкету АН СССР, заполненную рукой Ю. Н. Марра в 1934 г. (АВ, ф. 95, оп. 3, № 55).

⁶⁹ Опубликованный список работ Ю. Н. Марра, составленный

полняется обширным архивом ученого, не успевшего обобщить оставшиеся большею частью во фрагментах задуманные широкие исследования. Бережно сохраненный С. М. Марр архив Ю. Н. Марра находится ныне в ЛО ИВ⁷⁰.

Начав работать в АМ 14 апреля 1920 г., сразу после окончания ФВЯ Петроградского университета, Е. Э. Бертельс работал в нем почти 30 лет; последние годы его научной деятельности прошли в ИВ в Москве.

Работу с рукописными коллекциями АМ следует поставить в прямую связь с основными направлениями научного творчества Бертельса⁷¹.

С безошибочной ориентацией, удивительной в молодом исследователе, Бертельс с первых же шагов избирает для работы рукописи суфийских сочинений — ценнейшую составную часть коллекции АМ, запечатлевшую одно из самых сложных и неизученных явлений персидской литературы. Только за пять лет, с 1924 по 1929 г., он публикует целую серию — 22 исследования, посвященную суфизму и суфийской литературе на персидском и арабском языках.

Если работы В. А. Жуковского касались прежде всего философии и этики суфизма, то Е. Э. Бертельс рассматривает суфизм в аспекте его литературно-художественного преломления. Работы Бертельса поднимали отдельные вопросы сложной проблемы — текстологические исследования и интерпретация суфийских текстов, раскрытие сложной суфийской символики и поэтической терминологии, характеризовали отдельных авторов (Ансари, Аттара, Баба Кухи). Эти ранние работы Бертельса содержали уже и интересные теоретиче-

И. В. Мегрелидзе (Ю. Н. Марр, Статьи, сообщения и резюме докладов, I, М.—Л., 1936, стр. XVII—XXI), не учитывает статей, вошедших в «Статьи и сообщения», т. II, и работ, изданных после 1939 г. Среди последних литературоведческих исследований: Ю. Н. Марр, Добавления к статье «Тегеранские литературные впечатления», — ТТБГУ, т. 99, 1962, стр. 43—62; его же, О романе Хосреви «Шемс о Тогра», — там же, т. 108, 1964, стр. 205—217; Ю. Н. Марр и К. И. Чайкин, Хакани — Низами — Руставели, II, Тбилиси, 1966; «Рудаки в переписке Ю. Марра и К. Чайкина». Составитель А. Гвахария, — в кн. «Рудаки и его эпоха», Душанбе, 1958, стр. 227—238.

⁷⁰ АВ, ф. 95, 1900 единиц хранения. Опись архива, составленная Н. В. Елисейевой, включает пять разделов: 1) Научные работы и материалы, 2) Переписка, 3) Материалы к биографии и деятельности, 4) Работы других ученых, 5) Фотоматериалы. См.: Н. В. Елисейева, Архив ираниста Ю. Н. Марра (1893—1935), — ПИКНВ, II, стр. 5—7.

⁷¹ Многообразная научно-педагогическая деятельность Е. Э. Бертельса (1890—1957) нашла подробное освещение в литературе. См.: Некролог и основную библиографию работ Е. Э. Бертельса (СВ, 1958, № 1, стр. 114—124); А. Н. Болдырев, Научное наследие Евгения Эдуардовича Бертельса, — в кн. Е. Э. Бертельс, Избранные труды. История персидско-таджикской литературы, М., 1960, стр. 9—15.

Здесь уместно только кратко напомнить основные направления его научного творчества, удачно выделенные А. Н. Болдыревым в обзоре научного наследия Е. Э. Бертельса.

ские обобщения, попытки вскрыть пути происхождения персидского суфизма, показать основные линии развития суфийской лирики и дидактической поэзии. Тридцать пять работ Бертельса по суфизму составили ныне отдельный том его «Избранных трудов»⁷².

С начала 30-х годов научная деятельность Бертельса выходит на широкую всесоюзную арену. Бурный процесс культурного строительства в стране, в частности в Средней Азии, поставил перед советскими востоковедами задачи государственной важности. Выдающиеся творческие возможности Бертельса — редко встречающееся знание почти двух десятков языков, огромная трудоспособность и эрудиция в сочетании с острейшим чувством современности — определили место Е. Э. Бертельса в первых рядах советских ученых, выполнявших самые актуальные задачи.

Ученый систематически выступает в печати по вопросам формирования таджикского литературного языка, становления советской таджикской литературы, участвует в подготовке таджикских словарей; ряд специальных исследований ученый посвящает истории таджикской литературы. Принимает самое деятельное участие в подготовке исследований, критических текстов, тематических сборников, в научной организации юбилеев великих мыслителей Востока — Фирдауси, Низами, Навои, Авиценны. Выступает по вопросам узбекской, туркменской, азербайджанской классической литератур, создает учебные пособия по персидскому языку и литературе, в увлекательных статьях, переводах и брошюрах популяризирует литературу и культуру Востока.

Это широчайшее разнообразие тематики не мешало Е. Э. Бертельсу сосредоточиться на углубленном исследовании нескольких основных проблем. Пройдя красной нитью через годы жизни ученого, они завершились созданием монументальных трудов, составивших гордость советской ориенталистики. Здесь прежде всего надо назвать тему Низами — она была центральной в научном творчестве Бертельса.

Статьи Бертельса о Низами — они начали выходить с 1939 г., и их было более 50⁷³ — дали принципиально новую трактовку творчества великого художника и гуманиста, опрокинувшую бытовавшее в европейском востоковедении представление о Низами как об авторе религиозно-суфийском. Уже в первых подготовительных работах ученый дал констатацию средневековой азербайджанской школы поэзии. Многочисленные работы выполняли задачу воссоздания текста, перевода и популяризации произведений Низами.

⁷² Е. Э. Бертельс, Избранные труды. Суфизм и суфийская литература, М., 1965.

⁷³ Е. Э. Бертельс, Избранные труды. Низами и Фузули, М., 1962.

Итоги этого 20-летнего труда выразились в составлении критического текста произведений Низами, выполненного под руководством Е. Э. Бертельса (работа отмечена в 1948 г. Государственной премией), и в создании монографического исследования о творчестве поэта⁷⁴. Последняя работа по фактологической насыщенности, ясности концепции и масштабности обобщений может считаться вершиной филологического и литературоведческого мастерства ученого.

Столь же значительным трудом, который подвел итог параллельно идущих многолетних изысканий, была монография о Навои⁷⁵. Этот труд, названный автором «Опыт творческой биографии», впервые в науке дал широкие полотна литературной жизни средневекового Хорасана и Средней Азии и интереснейшие наблюдения над поэтической техникой XV в.

Работа над Навои позволила Бертельсу установить пути теснейших взаимосвязей литератур двух братских народов Средней Азии — таджиков и узбеков и привела к созданию монографии о современнике и друге Навои — Абдаррахмане Джамии⁷⁶.

Блестящим результатом сравнительного изучения этих трех великих художников Востока — Низами, Навои, Джамии — явилась книга «Роман об Александре и его главные версии на Востоке» — одно из самых замечательных исследований Е. Э. Бертельса. Феноменальная начитанность в восточных текстах позволила автору, сопоставив многочисленные версии романа, глубоко проследить исторические судьбы этого чрезвычайно распространенного на Переднем и Среднем Востоке литературного сюжета.

Критико-филологический анализ рукописного текста лежит в основе подавляющего большинства литературоведческих работ Бертельса. Последнюю из них, «Пятое муназаре Асади Тусского»⁷⁷, опубликованную уже посмертно, А. Н. Болдырев характеризует как образец современного филологического исследования отдельного рукописного памятника⁷⁸. Опираясь на единственный сохранившийся список, Бертельс дал блестящую расшифровку сложного поэтического текста, предельно раскрытую в адекватном переводе, воссоздал на этой надежной базе идейные истоки и условия написания поэмы и установил место произведения в истории средневе-

⁷⁴ «Низами Гянджеви, Шараф-наме», составитель крит. текста А. А. Али-заде, Баку, 1947; «Низами. Творческий путь поэта», М., 1956.

⁷⁵ «Навои, Опыт творческой биографии», М.—Л., 1949.

⁷⁶ «Джами. Эпоха, жизнь, творчество», [Сталинабад], 1949.

⁷⁷ «Пятое муназаре Асади Тусского», — УЗИВАН, т. XIX, 1958, стр. 55—89.

⁷⁸ А. Н. Болдырев, Научное наследие Евгения Эдуардовича Бертельса, стр. 15.

ковой персидской литературы. Свой опыт филологического изучения письменных памятников и подготовки критических текстов Бертельс обобщил в двух небольших работах⁷⁹, внесших значительный вклад в развитие отечественной текстологии.

Венцом научного творчества Е. Э. Бертельса должна была явиться многотомная сводная «История персидско-таджикской литературы», целиком основанная на непосредственном и критическом исследовании первоисточников. Ученый успел написать две из трех задуманных частей, доведя свое исследование до конца XII в.⁸⁰ Скоропостижная кончина оставила незавершенным как этот обобщающий труд, так и много других его научных замыслов.

Деятельность Бертельса составила важный и во многом основополагающий этап в развитии отечественной восточной филологии и иранского литературоведения. Члену-корреспонденту АН СССР Е. Э. Бертельсу было присвоено звание заслуженного деятеля наук Узбекской и Таджикской республик и почетного члена Туркменской академии наук. Признание мировой научной общественности выразилось в избрании его членом-корреспондентом Иранской Академии наук и Арабской Академии наук в Дамаске.

Научное наследие Бертельса (свыше 300 исследований, среди них более двух десятков книг), посмертно собранное и систематизированное в шести томах «Избранных трудов»⁸¹, представляет своего рода научную энциклопедию по иранской филологии. К ней обратятся еще многие поколения иранистов, чем бы они ни занимались: научным ли описанием рукописей и текстологическим исследованием памятников, их изданием и переводом, историей ли и теорией средневековой литературы Ирана и Средней Азии и ее периодизацией или сложными вопросами восточных идеологических течений. Помимо богатого фактического материала, собранного ученым, его труды пронизаны смелыми научными догадками и увлекательными гипотезами, которые ставят новые вопросы и нацеливают на дальнейший поиск.

Бертельс сыграл большую роль и как организатор ака-

⁷⁹ «К вопросу о филологической основе изучения восточных памятников», — СВ, 1955, № 3, стр. 11—18; «Вопросы методики подготовки критических изданий классических памятников литературы народов Ближнего и Среднего Востока», — «Первая всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений», Ташкент, 1957, стр. 237.

⁸⁰ Е. Э. Бертельс, Избранные труды. История персидско-таджикской литературы.

⁸¹ Е. Э. Бертельс, Избранные труды, т. I: История персидско-таджикской литературы, М., 1960; т. II, Низами и Фузули, М., 1962; т. III, Суфизм и суфийская литература, М., 1965; т. IV, Навои и Джами, М., 1965; готовятся к изданию: т. V, Вопросы иранской филологии; т. VI, Вопросы турецкой филологии.

демического ирановедения, которое с созданием ИВАН СССР приняло уже коллективные и плановые формы.

Идея объединения иранистов в Иранский кабинет зародилась еще в АМ, как удалось проследить по архивным данным Д. Е. Бертельсу, обнаружившему автограф докладной записки акад. С. Ф. Ольденбурга от 17 апреля 1929 г.⁸². Вот как формулировались основные задачи этой будущей научной ячейки:

«Об утверждении Кабинета иранистики.

В пределах нашего Союза, как на Кавказе, так и в Средней Азии, проживает целый ряд племен и народов иранского происхождения, всестороннее изучение языка, литературы, истории и быта которых привлекает все большее внимание не только наших, но и зарубежных ученых. Со середины прошлого века, когда академик Дорн заложил основы русской иранистики, началось накопление материалов по иранской филологии и диалектологии, в известной мере оставшихся еще не использованными, а в настоящее время в нашем Союзе, и в особенности в Ленинграде, имеется целый ряд ученых, посвятивших в той или иной мере свои силы и знания изучению Ирана в самом широком смысле этого слова. Однако до сих пор у нас нет еще специального научного центра, способного объединить и координировать все индивидуальные работы по иранистике отдельных ученых, организовать коллективную работу в таких областях ее, где сам объем работы выходит за пределы индивидуальных возможностей отдельных ученых, и, наконец, подготовить научную смену и достойных преемников нашим иранистам, занимающим уже почетное место среди европейских ученых. Все соображения приводят к мысли о необходимости и своевременности учреждения в Академии наук СССР Кабинета иранистики в составе, на первое время, директора-академика, ученого секретаря и одного научного сотрудника с привлечением к участию в работах кабинета всех ученых-иранистов нашего Союза, в частности молодых, начинающих работать в этой области востоковедов.

Учет наличных сил, накопленных уже материалов и открывающихся кабинету реальных возможностей дает твердое основание наметить на ближайшее пятилетие следующий план работ:

1. Продолжение работ по составлению и подготовке к печати среднеиранского словаря.

⁸² ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), № 141. Приводимые ниже данные о создании Иранского кабинета в 1931 г. также подобраны в АВ Д. Е. Бертельсом, выступившим с сообщением «Из истории Иранского кабинета» на объединенном заседании Ученых советов ЛО ИНА и Восточного факультете ЛГУ 15 апреля 1966 г., посвященном 75-летию со дня рождения проф. Е. Э. Бертельса. Текст сообщения использован, с любезного предложения Д. Е. Бертельса, при подготовке настоящей статьи.

2. Собрание, обработка и издание материалов для словарей иранских языков и наречий.

3. Издание материалов по иранским языкам и наречиям.

4. Издание литературных текстов.

5. Составление обзора персидских рукописей, хранящихся в пределах СССР.

6. Выявление персидских слов в других языках.

7. Собрание материалов лингвистических, этнографических и археологических по народам Ирана.

Само собой разумеется, что работа кабинета должна быть построена на самой тесной научной увязке со всеми работающими в области иранистики научными учреждениями СССР, в частности Кавказа и Средней Азии.

В случае принципиального одобрения настоящего представления будет разработано специальное положение о Кабинете иранистики и к работе можно будет приступить, не дожидаясь утверждения штатов, лишь по отпуске некоторой суммы на операционные расходы.

Академик Сергей Ольденбург».

Иранский кабинет — первоначально Кабинет Ирана и Сериндии — был создан уже в составе ИВ⁸³. В первый состав Персидского кабинета входили: ученый хранитель Е. Э. Бергельс, ученые специалисты Ю. П. Верховский и К. Д. Ильина⁸⁴, А. П. Бейер⁸⁵, Ф. Б. Ростопчин (с ноября 1931 г.)⁸⁶, аспирант Г. В. Шитов. Руководство кабинетом осуществлял акад. С. Ф. Ольденбург.

Сохранился протокол первого совещания Персидского ка-

⁸³ См. Отчет АН СССР за 1930 г., стр. 232—236; Отчет АН СССР за 1931 г., стр. 373, 377.

⁸⁴ К. Д. Ильина упоминается в отчетах АМ с 1926 г. Вначале практикантка и временный научно-технический сотрудник, затем штатный работник, она обрабатывала Рукописный фонд (отдел Nova), составляла карточный каталог литографий и печатных книг. Помимо словарных работ занималась выявлением и описанием персидского сказочного материала, готовила к изданию документы о сношениях Хивы и Бухары с Россией в XVII в. Под руководством Ф. А. Розенберга перевестила «Шах-наме» (см. Отчет АН СССР за 1926 г., стр. 216, 219, 226—227; то же за 1927 г., стр. 210; то же за 1928 г., стр. 200—201; то же за 1930 г., стр. 235—236; то же за 1931 г., стр. 377).

⁸⁵ А. П. Бейер был зачислен научным сотрудником II разряда по сектору истории и экономики с 16 мая 1931 г. В отчете АН СССР за 1931 г. упоминается тема, которую вел Бейер, — библиография литературы по истории персидского революционного движения конца XIX — начала XX в. (Отчет АН СССР за 1931 г., стр. 377). В документах по Персидскому кабинету в дальнейшем его имя не встречается.

⁸⁶ Ф. Б. Ростопчин в Персидском кабинете ИВ работал ученым специалистом и секретарем кабинета с 28 ноября 1931 г. по 4 апреля 1935 г. Опубликованные работы Ф. Б. Ростопчина: «Библиографический указатель по Персии», М., 1928; «Указы Кубинских ханов», Тбилиси, 1937; «Библиография по курдской проблеме».

бинета⁸⁷ (председатель — С. Ф. Ольденбург, секретарь — Ю. П. Верховский). Темы кабинета, утвержденные на этом совещании, предусматривали составление таджикско-русского словаря (Бертельс, Ильина, Верховский, Ростопчин) и коллективное задание для всех сотрудников по описанию персидских рукописей.

В ближайшие годы кабинет (с 1936 г. он именуется Иранским) расширяется почти втрое, пополнившись новыми сотрудниками.

В середине 30-х годов здесь начинают работу Л. Ф. Векслер⁸⁸, А. А. Фрейман (с 1 февраля 1934 по 10 апреля 1956 г.), О. И. Смирнова (с 1935 г.), А. К. Арендс (с 1 декабря 1936 по март 1942 г.), Л. А. Хетагуров (с 1940 по 1942 г.), Г. М. Петров (с 10 октября 1936 по 1950 г.), М. С. Иванов (с 15 июля 1937 по 13 февраля 1940 г.), А. А. Али-заде (1937—1941 гг. — аспирант, 1948—1951 гг. — докторант), А. А. Ромаскевич (с 15 декабря 1936 по февраль 1942 г.). На положении внештатных сотрудников были связаны с кабинетом Н. А. Белгородский, Фитрат, А. Н. Болдырев. Работали иранисты и в других отделах ИВ: в Рукописном отделе — А. М. Мугинов (с 1937 г.), А. В. Башкиров (с 26 октября 1936 по 10 марта 1945 г.), в Среднеазиатском кабинете — А. З. Розенфельд (с 29 ноября 1937 по 13 августа 1941 г.).

С осени 1932 г. заведование кабинетом было поручено Е. Э. Бертельсу, с января 1934 г. он принял на себя и должность заведующего Рукописным отделом.

Активная деятельность этого коллектива иранистов при общем росте иранистических сил Ленинграда (в ленинградских научных учреждениях в середине 30-х годов, по подсчетам тех лет⁸⁹, работало около 50 специалистов по Ирану) породила идею объединения и координации работы.

26 июня 1935 г. была создана Ассоциация иранистов⁹⁰. На заседании был принят Устав и избрано Бюро Ассоциа-

⁸⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1931), № 31, лл. 31—32.

⁸⁸ Л. Ф. Векслер (род. в 1909 г. в г. Киеве) окончила Факультет востоковедения при КИИХ по Персидскому отделению. Работала в ИВ с 1 февраля 1934 г. по декабрь 1936 г. по совместительству с работой в Эрмитаже. По плану кабинета вела библиографическую работу по персидской художественной литературе (проза). Специальное исследование (диссертацию) готовила по теме «Эпизод Рустам—Заль». Опубликована работа: «Фирдаус в русской литературе», — БВ, вып. 8—9, 1935, стр. 61—68.

⁸⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1935), № 36, л. 1.

⁹⁰ Там же, лл. 1—10. В заседании приняли участие: В. Абаев, Д. Амидов, Г. Балашова, Е. Бертельс, Л. Багиров, Ю. Верховский, Л. Векслер, О. Вильчевский, Л. Гюзальян, А. Генко, В. Гульянц, М. Дьяконов, П. Иванов, Князева, Д. Комиссаров, В. Косаев, И. Крачковский, В. Крачковская, И. Орбели, И. Зарубин, Золоева, Нотик, А. Ромаскевич, А. Самойлович, О. Смирнова, К. Тревер, Г. Фахри, А. Фрейман, И. Федоров, Л. Хетагуров, Г. Шитов. Других документов о деятельности ассоциации в ЛО ААН обнаружить не удалось.

Идея объединения иранистов Ленинграда возродилась в 1966 г. В сен-

ции: директор Эрмитажа И. А. Орбели, зав. кабинетом Е. Э. Бертельс, ученый секретарь кабинета Г. В. Шитов. Для выработки плана работы ассоциации, предусматривающей установление связей со всеми иранистами Советского Союза, устранение параллелизма в работе, проведение комплексных исследований, издание информационного иранистического бюллетеня, была избрана комиссия представителей от семи учреждений: Е. Э. Бертельс, И. А. Орбели (Эрмитаж), В. И. Абаев (ИЯМ), А. А. Фрейман (ЛИФЛИ), А. А. Ромаскевич (ЛВИ), К. В. Тревер (ГАИМК), С. М. Абрамзон (ИАЭ).

Одним из первых мероприятий, намечавшихся к проведению только что созданной ассоциацией, была организация III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, проходившего в Ленинграде, в Эрмитаже, в сентябре 1935 г. под руководством И. А. Орбели.

С докладами на конгрессе выступили семь ленинградских специалистов: Е. Э. Бертельс, М. М. Дьяконов, И. А. Орбели, А. А. Ромаскевич, В. В. Струве, К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский. Материалы III конгресса были опубликованы АН СССР⁹¹.

Главным направлением деятельности Иранского кабинета, определившимся к середине 30-х годов, становится критико-филологическое исследование памятников персидской письменности. Три основных раздела, по которым строятся текущие и перспективные планы кабинета, — история, литература, язык — заметно сближены общей текстологической первоосновой исследования. Так, перспективный план кабинета на 1937—1942 гг.⁹² предусматривал: в разделе «История» — издание серии материалов и монографий по истории Ирана и сопредельных стран эпохи феодализма (тексты Рашид ад-дина, Абдарразака Самарканди, Искандера Мунши); в разделе «Литература» — издание серии текстов по художественной литературе домонгольского периода (прежде все-

тябре 1966 г. на совместном заседании кафедры иранской филологии Восточного факультета ЛГУ и Иранского кабинета ЛО ИНА был создан постоянно действующий семинар ленинградских иранистов, представляющий собой творческое объединение специалистов, ведущих в Ленинграде исследовательскую работу в области истории, истории культуры, литературы и языков ираноязычных народов, их этнографии и искусства (ок. 60 человек). Семинар осуществляет научные связи одиннадцати учреждений Ленинграда: Восточный факультет ЛГУ, ЛО ИВ, ЛО ИЯ, ЛО ИА, ЛО АЭ, Эрмитаж, Музей этнографии народов СССР, ГПБ, БАН, Географическое общество, Институт им. Репина. В Бюро семинара избраны: А. Н. Болдырев (председатель), М. Н. Боголюбов, И. П. Петрушевский, Л. Т. Гюзальян, З. Н. Ворожейкина, В. В. Кушев (секретарь). О деятельности семинара в 1966—67 гг. см.: НАА, 1967, № 3, стр. 221—222; там же, № 4, стр. 248—249.

⁹¹ «Иранское искусство и археология». III международный конгресс. Доклады, М.—Л., 1939.

⁹² ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1937), № 42, лл. 1—3, 4—10; см. также планы и протоколы кабинета за 1935 г., ф. 152, оп. 1 (1935), № 35.

го Аттара), статьи и монографии по отдельным авторам; в разделе «Язык» — составление словаря среднеперсидского языка и в осуществление залемановского плана издание серии материалов лексикографического характера (фархангов), создание словарей к отдельным авторам.

В организации этих работ рядом с Е. Э. Бергельсом прежде всего надо упомянуть А. А. Ромаскевича, выдающаяся научно-педагогическая деятельность которого, к сожалению, не получила еще должного освещения в печати.

Профессор А. А. Ромаскевич начал работать в ИВ с 1936 г., имея за плечами 26-летний стаж научно-преподавательской деятельности. Местом основной его службы на протяжении многих лет были Петербургский, затем Ленинградский университет и ЛВИ. Преподавание персидского языка и разнообразных спецкурсов (страноведение Ирана, этнография, религия, государственное устройство, эпос и др.) он вел также во многих других научных учреждениях Ленинграда⁹³. С 1918 г., после смерти В. А. Жуковского, А. А. Ромаскевич был практически единственным в течение двух десятилетий преподавателем новоперсидского языка. «Из всех научных работников, ведущих в настоящее время работу по иранистике в Советском Союзе, — говорится в официальной характеристике Ромаскевича, составленной в ИВ в 1938 г., — значительное большинство в той или иной мере является учениками проф. Ромаскевича»⁹⁴.

Годы, проведенные в Иране, дали Ромаскевичу превосходные знания современного персидского языка и живой иранской действительности. Материалы, собранные ученым в Иране, обогатили ирановедение новыми данными по неизученным иранским диалектам, народной литературе, по этнографии (Ромаскевич специально занимался амулетами и талисманами, культом деревьев, карнавальными празднествами), доисламским верованиям, иранскому искусству (народная лубочная миниатюра, изображения и изваяния львов) и пр. Значительная часть наиболее интересных персидских рукописей Восточной библиотеки ЛГУ была собрана Ромаскевичем в годы его жизни в Иране, так же как и коллекция предметов этнографического характера (в частности, детских игрушек), переданная ученым в МАЭ.

Основной областью научных интересов Ромаскевича — ближайшего ученика и последователя В. А. Жуковского — была народная литература Ирана.

Громадное количество записей, собственноручно сделан-

⁹³ Практическая восточная академия (1919—1921), Российский институт истории искусств (1920—1921), Институт народного хозяйства (1919—1921), НИИ сравнительной истории, языков и литературы Запада и Востока (1921—1929), ЛИФЛИ, ЛГУ (до 1941 г.).

⁹⁴ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 512.

ных Ромаскевичем в Иране, легло в основу его ценнейших публикаций и исследований.

Строго документированная публикация 440 четверостиший⁹⁵ (записи в Центральном и Южном Иране в 1913—1914 гг.), которую Ромаскевич сопровождал социально-бытовой, литературно-художественной и языковой характеристикой, выделившей четверостишия в особый фольклорный жанр, впервые внесла в науку целостное представление об этой малоизученной, чрезвычайно популярной форме народного творчества.

Ромаскевич был первым, кто познакомил русского читателя с народными сказками Персии⁹⁶. Он вел сбор сказок в 1913—1914 гг., одновременно с англичанином Лоримером и датским ориенталистом Кристенсеном, вскоре опубликованными свои записи⁹⁷. Однако именно Ромаскевичу принадлежит заслуга первого научного освещения этого любимого народом жанра. Исключительной ценности материал представляют как сами сказки, записанные Ромаскевичем у неграмотных сказителей, так и свидетельства ученого об условиях бытования персидской сказки, путях и способах ее распространения, характеристика сказителей, великолепно запечатленные жизненно-колоритные сцены выступления сказочников. 70 народных сказок, включенных в издание, систематизированы по известному указателю сюжетов Аарне-Андреева.

Скудные до Ромаскевича материалы по песенному творчеству, которыми располагала иранская фольклористика, значительно обогатили его публикации чужбинных и колыбельных песен, изданные в развитие наблюдений В. А. Жуковского и подчеркнувшие устойчивость форм и содержания колыбельных песен, и, наконец, песен кашкайцев⁹⁸ — сборник в 35 песен, дополненный небольшим очерком этнографического характера о мало изученном, но влиятельном племени кашкайцев, среди которых ученый прожил несколько месяцев.

Статья Ромаскевича с записями йездских версий фабло⁹⁹ послужила удачным подтверждением научной концепции

⁹⁵ «Персидские народные четверостишия», I,—ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 313—347; II — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 145—228; III — ЗКВ, III, 1928, стр. 305—366.

⁹⁶ «Персидские народные сказки. Подбор, перевод, примечания и вступительная статья А. А. Ромаскевича», Л., 1934; «Сказочники в Персии», — «Восточные записки», Л., т. I, 1927, стр. 251—270.

⁹⁷ D. L. R. and E. O. Lorimer, Persian Tales. Written down for the First Time in the Original Kermani and Bakhtiari and Translation, London, 1919; A. Christensen, Contes persans en langue populaire, Kobenhavn, 1914.

⁹⁸ «Песнь о чужбине», — ТТБАН, т. IX, 1938, стр. 128—134; «Колыбельные песни Шираза» — «Иран», т. IV, стр. 1—8 (сигнальный экземпляр не вышедшего из печати издания); «Песни кашкайцев», — сб. МАЭ, т. V, 1925, вып. 2, стр. 573—610.

⁹⁹ «Персидские версии фабло — Constant du Hamel» — «С. Ф. Ольденбург», стр. 443—450.

С. Ф. Ольденбурга о важной роли Востока в обогащении Запада повествовательной литературой, прежде всего народными сказками.

Сжатый очерк «Литературное движение в современной Персии»¹⁰⁰ был первой в отечественной науке попыткой охарактеризовать пути развития современной литературы Ирана. Статья эта на несколько лет предвосхитила специальные работы К. И. Чайкина, Е. Э. Бертельса и Ю. Н. Марра, которые подтвердили и развили выводы Ромаскевича.

Ставший традиционным в академическом ирановедении интерес к «Шах-наме» Фирдауси нашел отклик и в творчестве Ромаскевича в его очерке истории изучения эпопеи и нескольких исследованиях по иранскому эпосу¹⁰¹.

В середине 30-х годов ИВ предпринял, успешно прививая коллективные («бригадные», как они тогда назывались) формы работы, ряд крупных текстологических трудов. Огромная доля в осуществлении этих важных начинаний принадлежит Ромаскевичу.

Именно для руководства подготовкой первой научной публикации известного «Сборника летописей» Рашид ад-дина, своего рода исторической энциклопедии, и был прежде всего приглашен Ромаскевич на постоянную работу в ИВ. Коллектив, подготовивший издание критического текста по лучшим рукописям мировых собраний и перевод летописи, составлял: один из первых сотрудников кабинета — Ю. П. Верховский¹⁰², Л. А. Хетагуров¹⁰³, О. И. Смирнова, А. К. Арендс, А. Али-заде.

В другом сложном коллективном труде, осуществленном ИВ к 15-летию Туркменской республики, — составление свода сообщений восточных источников по истории Туркмении и туркменского народа, в преобладающей части основанных на рукописных материалах, — Ромаскевич был одним из ведущих организаторов и исполнителей — переводчик, редактор, автор обзоров иранских источников X—XV и XVI—XIX вв.

¹⁰⁰ «Восток», 1923, кн. 2, стр. 92—100.

¹⁰¹ Очерк истории изучения Шах-наме, — сб. «Фердовси. 934—1934», Л., 1934, стр. 13—50.

¹⁰² Ю. П. Верховский (1891—1962) был в штате ИВ с 1 июня 1931 г. по 1936 г., в дальнейшем работал на договорных началах; вел преподавание персидского языка на Восточном факультете ЛГУ. По плану Иранского кабинета разрабатывал также темы: «Сатирический жанр в современной персидской литературе», «Ленин в персидской литературе», готовил словники по истории и географии Ирана, выполнял подстрочный перевод поэмы Низами «Лейли и Меджнун» (ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 120.) Опубликованные работы: «Рашид ад-дин». Сборник летописей, т. II, перев. с персидского Ю. П. Верховского, М., 1960; П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов (Подготовка к изданию переводов документов из «Архива шейхов Джуйбари»), М.—Л., 1954, стр. 87—328.

¹⁰³ Л. А. Хетагуров, лингвист и филолог, с 1938 г. — докторант ИВ, с 1940 г. — сотрудник Иранского кабинета. От тяжелой дистрофии, полу-

В подготовке этого издания приняли участие также О. И. Смирнова и А. К. Арендс¹⁰⁴. Это издание, так же как и завершение труда В. Г. Тизенгаузена по истории Золотой Орды¹⁰⁵, осуществленное А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным, сделало достоянием историков новые восточные источники, важные для восстановления исторического прошлого народов СССР.

Собиратель и знаток персидской и арабской рукописной книги, опубликовавший информационные списки персидских рукописей как университетской библиотеки, так и хранилища ИВ¹⁰⁶, Ромаскевич в июне 1938 г. возглавил Рукописный отдел.

Хранительской деятельности Ромаскевича суждено было вынести тяжкие испытания, связанные с обороной Ленинграда. В первые же дни войны с германским фашизмом, когда над Ленинградом нависла угроза вражеских бомбардировок, Ромаскевич был одним из тех, кто организовал работы по укрытию фондов. Вся рукописная коллекция ИВ, насчитывающая свыше 40 тыс. томов, была в предельно короткий срок перенесена в глубокие и сухие подвалы БАН.

Ромаскевич не пережил ленинградской блокады. В конце февраля 1942 г. он погиб на улице, на полпути между домом, где жил, и Домом ученых, куда направлялся с путевкой в стационар для ослабевших ученых. Имя проф. Ромаскевича, так же как и Л. А. Хетагурова и аспиранта А. Э. Муллокандова, погибших в дни блокады, занесено на мемориальную доску ЛО ИВ.

Сотрудники ИВ в годы войны продолжали исследования в области иранистики. В Ленинграде А. Н. Болдырев работал над крупным исследованием «Литературная жизнь в Герате на рубеже XV—XVI вв.». В Ташкенте в сентябре 1942 г. вновь оформился Иранский кабинет. В состав его входили Е. Э. Бертельс (зав.), К. А. Антонова (уч. секретарь), А. В. Башкиров, А. М. Мугинов, Н. Д. Миклухо-Маклай,

ченной в блокированном Ленинграде, погиб 12 марта 1942 г. в Саратове. Опубликованные работы: «Категория рода в иранских языках», УЗЛГУ, № 20, СФН, вып. I, Л., 1939, стр. 50—97; «Низами Гянджеви, Хосров и Ширин». Составитель научно-критического текста Л. А. Хетагуров, Баку, 1960; Фазлаллах Рашид ад-дин, Джами ат-таварих, ч. I. Составители научно-критического текста А. А. Ромаскевич, Л. А. Хетагуров, А. А. Али-заде, М., 1965.

¹⁰⁴ МИТТ, I, 1939; МИТТ, II, 1938.

¹⁰⁵ СМИЗО, II, 1941.

¹⁰⁶ «Список персидских, турецко-татарских и арабских рукописей библиотеки Петроградского университета», — ЗКВ, т. I, 1925, стр. 353—371 (опубликована в продолжении работы: К. Г. Залеман и В. В. Розен, Список персидским, турецко-татарским и арабским рукописям библиотеки С.-Петербургского университета, — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 241—262; т. III, 1889, стр. 197—220); «Персидские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской академии наук с Кавказского фронта», — ИРАН, сер. VI, 1918, № 4, стр. 391—396.

О. И. Смирнова. Работал по плану кабинета А. А. Фрейман, находившийся в Боровом. В Ташкенте работали также в годы войны К. В. Тревер, Н. В. Дьяконова, А. А. Семенов, И. И. Зарубин, М. С. Андреев.

В сложных условиях оторванности от основных книжных и рукописных фондов ИВ и в известной мере с учетом местных возможностей и потребностей Узбекистана кабинет разрабатывал в эти годы коллективные темы: «Средняя Азия и Иран. Их культурное взаимодействие в древности и средневековье», «История персидской литературы», «История Ирана», «История узбекской литературы». Помимо того планы сотрудников предусматривали целый ряд филологических и литературоведческих исследований. Е. Э. Бертельс работал над темами «Персидская литература в Средней Азии», «Литературное прошлое Узбекистана», «История персидской литературы X—XV вв.»; О. И. Смирнова готовила к изданию критический текст и перевод «Кандии». Исследования материалов по персидской эпиграфике XII—XIX вв. на бытовых предметах Ирана и Средней Азии вел А. А. Семенов. Н. В. Дьяконова занималась темами «Культурные центры Восточного Ирана» и «Литература раннего средневековья в Восточном Иране». Над исследованием «Авеста и Средняя Азия» работала К. В. Тревер¹⁰⁷.

В 1944—1945 гг. О. И. Смирнова и Н. Д. Миклухо-Маклай работали одновременно в Институте по изучению восточных рукописей АН УзбССР, принимая участие в подготовке каталога восточных рукописей¹⁰⁸.

* * *

В широком комплексе тем, изучавшихся в послевоенные годы (1945—1950) в Иранском кабинете¹⁰⁹ (сравнительная грамматика иранских языков и история языка, словарная работа, новая и новейшая история Ирана, отношения Ирана

¹⁰⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1942), № 8, л. 8об.; (1943), № 8, лл. 41—51, № 22, лл. 1—18.

¹⁰⁸ «Собрание восточных рукописей Академии наук УзбССР», т. I, Ташкент, 1952, стр. 8; т. II—VI, Ташкент, 1954, 1955, 1957, 1960, 1963.

¹⁰⁹ В составе кабинета (в эти годы он именуется Иранским сектором), по данным на 1946—1947 гг., значатся: член-корр. АН СССР А. А. Фрейман (зав. сектором), Е. Э. Бертельс (по МГ ИВ), А. Н. Болдырев, М. Н. Боголюбов, К. К. Курдоев, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. З. Розенфельд, А. Т. Тагирджанов, О. И. Смирнова, Г. М. Петров, П. Ф. Тимофеев, А. И. Аванесян, докторант Б. Ниязмухаммедов, аспиранты А. А. Завистович и Л. Н. Гумилев. В Среднеазиатском кабинете в эти же годы работали А. Л. Троицкая, И. П. Петрушевский, А. В. Башкиров (см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1946), № 23, л. 4—13 и др.; см. также оп. 1 (1947), № 32, л. 1 и др.; также: № 33, лл. 1—7 и др.). В 1947 г. к 30-летию Октябрьской революции Иранский сектор был награжден почетной грамотой обкома Союза работников высшей школы и научных учреждений «За достигнутые успехи в научной работе в 1947 году» (там же, оп. 1 (1947), № 34).

и Средней Азии в XVI—XVIII вв., согдология и нумизматика), ведущее место продолжали занимать филологические исследования, ориентированные на разработку персоязычных рукописных фондов.

Сотрудники кабинета продолжали подготовку публикации хроники Рашид ад-дина¹¹⁰ (О. И. Смирнова), каталогизировали персидский фонд (Н. Д. Миклухо-Маклай, О. И. Смирнова), проводили монографические описания и исследования отдельных манускриптов (Н. Д. Миклухо-Маклай).

К числу крупнейших филологических трудов этих лет как по масштабам текстологической работы, так и по научной значимости принадлежит подготовка сводного критического текста «Редкостных событий» Васифи, завершенная в 1949 г. А. Н. Болдыревым¹¹¹.

Текст этого выдающегося произведения таджикской средневековой литературы¹¹², реконструированный А. Н. Болдыревым по 25 рукописям, открыл доступ к единственному в своем роде памятнику, раскрывшему повседневную жизнь и быт средних слоев общества в городах Средней Азии и Хорасана XV—XVI вв.

Серия статей Болдырева и монография «Зайнадин Васифи», посвященные этому памятнику¹¹³, как и целый ряд других его исследований, основанных на средневековых источниках¹¹⁴, восстановили многие страницы культурной и литературной истории народов Средней Азии и Ирана¹¹⁵.

¹¹⁰ Вышли из печати: Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, перев. с перс. Л. А. Хетагурова; т. I, кн. 2, перев. с перс. О. И. Смирновой, М.—Л., 1952; т. II, перев. с перс. Ю. П. Верховского, указатели О. П. Щегловой, М.—Л., 1960; т. III, перев. с перс. А. К. Арендса, М.—Л., 1946.

¹¹¹ А. Н. Болдырев в ИВ работал с июля 1942 г. по август 1950 г.

¹¹² «Зайн ад-дин Васифи. Бадай ал-Вакай». Критический текст, введение и указатели, т. I—II, М., 1961 (ПЛНВ. Тексты. Большая серия).

¹¹³ «Мемуары Зайн ад-дина Васифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI вв.», — ТОВЭ, т. II, Л., 1939, стр. 203—214; «Алишер Навои в рассказах современников» — в кн. «Алишер Навои», Л., 1946, стр. 121—152; «Очерки из жизни гератского общества в XV—XVI вв.», — ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 313—422; «Зайн ад-дин Васифи» (на перс. яз.), — «Пеяме ноу», Тегеран, 1324 (1945), № 4, стр. 58—64; Рукопись «Удивительных событий» в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, — Труды ГПБ, т. II (V), «Восточный сборник», Л., 1957, стр. 93—102; «Зайнадин Васифи. Таджикский писатель XVI в.» Опыт творческой биографии, Сталинабад, 1957.

¹¹⁴ «Тезкире Хасана Нисори как новый источник для изучения культурной жизни в Средней Азии XVI в.», — ТОВЭ, т. III, 1940, стр. 291—300; «История таджикской литературы XVI в.» (раздел в учебнике для IX кл. средней школы), Сталинабад, 1951, стр. 3—60; «Был ли Рудаки исмаилитом?», — АОГ, 30, 1962, стр. 541—542; «Утопия в персидской классической литературе», — «Пеям-и новин», Тегеран, 1345(1966), № 5, стр. 2—5.

¹¹⁵ «Культура Ирана и Средней Азии в XIV—XVI вв.», — «История культуры», М., 1940 (макет), стр. 291—300.

Непосредственное исследование рукописного текста как первоисточника составило основу большинства филологических и историко-литературных работ Болдырева. Ученый ввел в обиход науки много ценных рукописных источников по персидской и таджикской литературе. Болдыреву посчастливилось помимо работ, упомянутых выше, выявить один из самых старых и точных манускриптов куллиата Саади¹¹⁶, издать уникальный список истории Бадахшана (из собрания ЛО ИВ)¹¹⁷, путем изучения уникальной рукописи дивана Дервиша Дихаки¹¹⁸ ознакомить специалистов с творчеством этого замечательного и незаслуженно забытого поэта XV в., представителя ремесленных кругов. При непосредственном содействии А. Н. Болдырева, вырабатывались принципы описания литературного фонда персоязычного собрания ЛО ИВ.

Исследования народной литературы, имеющие уже прочную традицию в академическом ирановедении, Болдырев дополнил новой, ранее почти не представленной в науке областью — таджикской фольклористикой. Полевые записи, проведенные ученым в годы работы в Таджикистане, послужили основой целой серии изданий и исследований. Болдыреву принадлежит заслуга первой публикации и характеристики не записанных до него таджикских народных героико-эпических сказаний Гуругли¹¹⁹. В книге о таджикском фольклоре¹²⁰ ученый привел обширный материал по народной лирике, впервые тематически классифицированный. Второе издание этой книги, выполненное совместно с М. Турсун-заде, значительно расширено за счет фольклора советского времени¹²¹.

На основе анализа памятников иранской письменности Болдырев приходит к постановке ряда теоретических вопросов иранской филологии: выдвигает свои концепции развития персидского литературного языка в условиях феодального общества, аргументирует новые принципы периодизации истории персидской и таджикской литературы¹²².

¹¹⁶ «Куллият Са'ди», — ТТБАН, т. 9, 1940, стр. 41—47.

¹¹⁷ «Тарих-и Бадахшан. История Бадахшана». Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели, Л., 1959.

¹¹⁸ «Диван Дервиша Дихаки», — XXV МКВ, ДД СССР, М., 1960.

¹¹⁹ «К фольклору Таджикистана», I. Предварительные данные об эпической традиции у таджиков, — ТТБАН, т. III, 1936, стр. 59—73.

¹²⁰ «Образцы таджикского фольклора», I, Сталинабад, 1938; «Фольклоры точек». Сборник образцов таджикского фольклора, Сталинабад, 1954.

¹²¹ «Фольклор и литература Бадахшана». Тезисы диссертации, Л., 1941; «Бадахшанский фольклор», — СВ, т. V, 1948, стр. 275—294; «Чужбинная песня», — ТТБАН, т. 9, 1940, стр. 118—127; «Вопросы изучения таджикского народного творчества», — ТТФАН, т. 29, 1951, стр. 99—109.

¹²² «Некоторые вопросы становления и развития языков в условиях феодального общества», — ВЯ, 1956, № 4, стр. 31—37; «Соображения о периодизации классической персидско-таджикской литературы» (совместно с И. С. Брагинским), — НАА, 1965, № 2, стр. 110—111.

Над литературоведческими темами в 40-е годы работали помимо Е. Э. Бертельса и А. Н. Болдырева также сотрудники кабинета А. З. Розенфельд и А. Т. Тагирджанов.

Диалектолог А. З. Розенфельд¹²³ является также специалистом по современной персидской литературе и таджикскому фольклору.

Розенфельд принадлежит первая публикация образцов дарвазского фольклора, собранных и систематизированных ею во время полевой работы. Народные сказки и произведения местных поэтов, живущие в устной передаче, А. З. Розенфельд опубликовала в собственной записи в ряде статей и исследований, выявив и проследив некоторые персидско-таджикские фольклорные связи¹²⁴.

А. З. Розенфельд подготовила полный научный перевод (с послесловием и комментарием) крупнейшего памятника современной таджикской литературы — романа С. Айни «Воспоминания» 4 тома)¹²⁵.

Основоположнику новеллистического жанра в Иране, завоевавшего вскоре самую широкую популярность, замечательному писателю Садеку Хедаяту (1903—1951) Розенфельд посвятила целый цикл работ — переводов, творческих характеристик, библиографических обзоров¹²⁶.

Состояние и тенденции развития художественной прозы 40-х годов Розенфельд охарактеризовала в нескольких статьях, предметом особого исследования выделив интереснейшую проблему влияния русских и советских писателей — Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова, Горького — на процессы становления персидской художественной прозы. Розенфельд выступила первым исследователем в разработке вопроса русско-персидских литературных связей. Любопытные наблюдения о взаимовлиянии персидской и европейской литератур легли в основу ее статьи об истории сюжета «Сердце матери»¹²⁷.

¹²³ А. З. Розенфельд вела научную работу в ИВ с ноября 1937 г. по август 1941 г. и с декабря 1945 г. по август 1950 г.

¹²⁴ См.: «Намунаҳои фольклори Дарвоз», Таджикгосиздат, 1955; «Намунаҳои фольклори Дарвоз», 2-е изд., Таджикгосиздат, 1962; «Мальчик-богатырь», — «Таджикские народные сказки», Душанбе, 1945; «Новые материалы о ванджском поэте Мулло Ере», — КСИНА, т. 67, 1963, стр. 136—147; «Из области таджикско-персидских фольклорных связей», — СЭ, 1948, № 1, стр. 205—206.

¹²⁵ М., 1960 (литературные памятники).

¹²⁶ Садек Хедаят, Избранное, М., 1957 (совместно с Д. С. Комиссаровым, как и две следующие книги); «Садек Хедаят», М., 1958; Садек Хедаят, Бродяга Аколь, М., 1960; «Садек Хедаят, Опыт характеристики творчества», — КСИНА, т. 17, 1955, стр. 66—72; «Драматургия Садека Хедаята», — сб. «Филология стран Азии и Африки», Л., 1966, стр. 104—110.

¹²⁷ «О художественной прозе в персидской литературе XX в.», — ВЛГУ, 1949, № 5, стр. 115—122; «Современная персидская литература», — «Народы Передней Азии», М., 1957, стр. 207—209; «Новелла — ведущий жанр

Историко-филологические и литературоведческие исследования, теснейшим образом связанные с рукописями, проводил в 40-е годы А. Т. Тагирджанов¹²⁸. В 1946 г. он завершил интересное исследование (по уникальной рукописи Парижской Национальной библиотеки) «Поэма Кутба „Хосров и Ширин“» (XIV в.), касающееся персидско-тюркских литературных связей. Исследование было успешно защищено как кандидатская диссертация в 1947 г.

Еще в 1948 г. Тагирджанов подверг серьезным сомнениям правомерность доказательств М. Минови, отрицавшего авторство Фирдауси для поэмы «Юсуф и Зулейха»¹²⁹. В дальнейших работах уточнил некоторые сведения, касающиеся загадочной фигуры суфийского поэта XI в. Баба Кухи¹³⁰, восстановил даты жизни автора и время составления известного космографического сочинения «Маджма' ал-гараиб» (первой редакции)¹³¹ и, наконец, идентифицировал по неустановленной рукописи до того известный только по названию поэтологический трактат XIV в. «Мийар-и Нусрати» Шамс-и Фахри Исфাহани¹³².

В 1960 г. Тагирджанов издал, используя редкую рукопись ЛГУ и список собрания ЛО ИВ, уникальный памятник таджикского разговорного языка XVI в. «Маджму ат-таварих»; обнаружив в этом сочинении самую раннюю запись версии киргизского эпоса о Манасе, Тагирджанов подробным образом охарактеризовал ее во введении¹³³.

А. Т. Тагирджанов подготовил монографический труд, посвященный «отцу персоязычной поэзии» Рудаки, биография

современной персидской прозы», — кн. «В ту ночь, когда шел снег», М., 1963, стр. 7—14; «Пушкин в персидских переводах», — ВЛГУ, 1949, № 5, стр. 81—101; «Гоголь и персидская литература», — сб. «Гоголь. Материалы и сообщения», Л., 1953, стр. 315—330; «Л. Н. Толстой в изданиях на персидском языке», — НАА, 1962, № 5, стр. 156—168; «Чехов в персидской литературе», — сб. «Памяти акад. И. Ю. Крачковского», Л., 1958, стр. 73—79; «Горький и современная персидская литература», — ВЛГУ, 1951, № 8, стр. 124—138; «Сердце матери (К международной истории одного сюжета)», — сб. «Международные связи русской литературы», М., 1963, стр. 403—410 (совместно с З. Н. Ворожейкиной).

¹²⁸ А. Т. Тагирджанов в 1943—1946 гг. проходил аспирантуру под руководством Е. Э. Бертельса в ИВ, затем работал там же до 1950 г. С 1946 г. преподает на Восточном факультете ЛГУ. Доцент А. Т. Тагирджанов ведет курсы персидского, арабского, турецкого языков, читает историю персидской литературы, спецкурс «История таджикской и персидской литературы в Индии».

¹²⁹ См.: «К вопросу о поэме Фирдауси „Юсуф и Зулейха“», — СВ, V, 1948, стр. 334—338.

¹³⁰ «Диван Баба Кухи в исследованиях В. А. Жуковского», — ОИРВ, V, 1960, стр. 59—62.

¹³¹ «О двух редакциях „Маджма' ал-гараиб“ и о дате смерти его автора», — Изв. ООН АН ТаджССР», 1958, № 1, стр. 21—25.

¹³² «Первый трактат Шамс-и Фахри Исфাহани по персидской поэтике», — ВЛУ, № 14, СИЯЛ, вып. 3, 1960, стр. 61—66.

¹³³ «Маджму ат-таварих. Собрание историй», Л. 1960.

которого дошла до нашего времени только в немногих косвенных сведениях, а творчество — в отдельных фрагментах ¹³⁴.

Ряд статей Тагирджанов посвятил истории персидской литературы начала XX в., показав влияние русской передовой культуры и революционно-демократических идей (как прямое, так и опосредствованное через азербайджанскую литературу) на развитие гражданского и сатирического направления в литературе Ирана ¹³⁵.

* * *

В годы существования Сектора восточных рукописей внимание сотрудников сосредоточилось главным образом на разработке рукописных фондов.

Иранисты О. И. Смирнова, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. М. Мугинов, И. П. Петрушевский, Л. А. Чебанова (1951—1953), Ю. Е. Борщевский (с 1953 г.) решили в эти годы ряд важных задач, непосредственно связанных с освоением коллекции персоязычных рукописей.

Для давней задачи каталогизации фонда выкристаллизовались два параллельно идущих и хорошо дополняющих друг друга решения: составить краткий алфавитный список, дающий систематизированную информацию о фонде во всей его полноте и серию развернутых научных описаний рукописей по их тематическим, наиболее важным для науки разделам, т. е. серию выпусков так называемого «Каталог резоннэ» (каталога с характеристикой сочинений по существу), который был составлен только для незначительной части коллекции, поступившей из Учебного отделения МИДа ¹³⁶.

В начале 50-х годов были выработаны основные принципы и схемы для обоих видов каталога (В. И. Беляев, Н. Д. Миклухо-Маклай; в разработке принципов краткого каталога принимал участие Ю. Е. Борщевский) и начаты планомерные работы над кратким алфавитным списком (Н. Д. Миклухо-Маклай, А. М. Мугинов).

Н. Д. Миклухо-Маклай издал в 1955 г. первый выпуск «Описания» ¹³⁷. Этот выпуск, положивший начало целой се-

¹³⁴ «Рудаки. Жизнь и творчество. История изучения», Л., 1968.

¹³⁵ «Исторические корни персидской политической сатиры», — ВЛУ, 1952, № 8, стр. 83—93; «Влияние русской революционно-демократической мысли и русской революции 1905—1907 гг. на персидскую литературу», — УЗЛГУ, СИН, вып. 26, 1956, № 220, стр. 129—141; «Творчество персидского прогрессивного поэта Ашрафа Гиляни», — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 353—376.

¹³⁶ [V. Rosen], Les manuscrits Persans de l'Institut des langues Orientales decrits par V. Rosen, St.-Pbg., 1886 (Collections Scientifiques, III).

¹³⁷ «Описание таджикских и персидских рукописей ИВАН СССР» (вып. I, Географические и космографические сочинения), М.—Л., 1955.

рии «Описаний» персидских и таджикских рукописей, был первым и во многом основополагающим среди аналогичных изданий, подготовленных в ближайшие годы и по другим рукописным фондам ЛО ИВ. Принципы описания, примененные в секторе к коллекции персоязычных рукописей, получили широкое признание в науке; на их основе в той или иной мере построены все отечественные каталоги арабографических рукописей, опубликованные за последние годы.

В эти же годы был начат грандиозный труд по полной критической публикации «Шах-наме» Фирдауси.

В отличие от многочисленных предшествующих изданий (М. Ламсдена, Т. Макана, Ж. Моля, И. Вуллера, С. Нафиси, Д. Сяйки), недостаточно критически воспроизводящих перегруженные позднейшими вставками редакции XV в., публикация ИВ покоилась на древнейшей из сохранившихся редакции XIII в. Приняв главным условием текстологической работы точную датировку и строгую фиксацию рукописного материала, издатели пошли по пути выделения интерполяцией и установления общей последовательности бейтов основного текста.

Издание, рассчитанное на 8 томов, по замыслу исполнителей должно было быть дополнено словарем-конкордансом к подготовленному тексту, со ссылками на датированные рукописи. Помимо более точного представления о лексике Фирдауси по сравнению с глоссарием Вольфа словарь-конкорданс, безусловно, сыграет роль еще одного надежного критерия для дополнительной критики текста.

К настоящему времени вышли из печати в серии «Памятники литературы народов Востока» 6 томов «Шах-наме» Фирдауси¹³⁸. В их подготовке приняли участие московские сотрудники ИВ: Е. Э. Бертельс, И. С. Брагинский, А. Нушин (редакторы), А. Е. Бертельс, М. Н.-О. Османов, Р. М. Алиев и ленинградские иранисты Л. Т. Гюзальян, А. Т. Тагирджанов (т. II, эпизод царствования Кай-Кавуса и его поход в Мазандеран) и О. И. Смирнова. Она приняла участие в издании т. I (Минучихр, бейты 1—1238), подготовила текст эпизода «Рустам и Сохраб» для т. II и полностью т. III, содержащий «Сказание о Сявяуше».

Методы работы этого коллектива над критикой текста «Шах-наме», о которых Е. Э. Бертельс сообщил в печати¹³⁹, являются определенным вкладом в отечественную текстологию.

¹³⁸ Фирдауси, Шах-наме, критический текст, т. I, М., 1960; т. II, М., 1962; т. III, М., 1965; т. IV, М., 1965; т. V, М., 1967; т. VI, М., 1967.

¹³⁹ «Шах-наме и критика текста», — СВ, 1955, № 1, стр. 88—95; «Новое издание „Шах-наме“ Фирдауси», — КСИВАН, вып. 13, 1955, стр. 3—71.

Научная традиция использования восточных источников для восстановления истории нашего государства, сложившаяся еще в первые годы существования АМ, нашла свое продолжение в другом крупном коллективном труде этих лет — создании свода материалов по истории Киргизии и киргизов.

С июня 1954 до начала 1957 г. в секторе действовала так называемая киргизская группа.

Материалы, обнаруженные иранистами в персоязычных источниках (ок. 30 сочинений), как правило рукописных, составили свыше 50 авт. л. Оформленные по образцу предшествующего аналогичного издания (МИТТ, I—II) извлечения сопровождались кратким критико-филологическим комментарием и справкой, дающей представление об авторе, характере сочинения и основной библиографии.

Публикация сборника еще не осуществлена¹⁴⁰, однако подготовленные группой материалы, посылаемые во Фрунзе по мере завершения их обработки, давно уже стали достоянием широкого круга историков Киргизии; в значительной степени на основе этих материалов написана первая история республики¹⁴¹.

С созданием ЛО ИВ штат иранистов значительно расширился. В декабре 1956 г. вернулся на работу в отделение один из первых сотрудников Иранского кабинета — Г. В. Шитов (работал до 1965 г.), были зачислены М. Н. Боголюбов (1958), А. Л. Троицкая (1958; работала до 1963 г.), С. И. Баяевский (1956), Н. Н. Туманович (1958), И. М. Оранский (1959), В. А. Лившиц (1958), Х. Н. Ниязов (1958), В. В. Кушев (1957), О. П. Щеглова (1958), А. Н. Рагоза (1960), Л. Н. Карская (1960), Н. В. Елисеева (1961), Л. П. Смирнова (с 1964 г.).

Коллектив иранистов, действовавший и в секторе как группа иранистов (с февраля 1956 г. регулярно), возобновил свою работу как структурная единица с конца 1956 г.; в ноябре 1957 г. снова возрождается название Иранский кабинет¹⁴². До 1959 г. Кабинет работал под руководством

¹⁴⁰ Первый том сборника МИКК (редактор В. А. Ромодин) объемом около 30 авт. л. находится в издательстве «Наука». По извлеченным материалам опубликованы статьи: М. А. Салахетдинова, Сочинения Мухаммада Садыка Кашгари «Тазкира и Хаджаган» как источник по истории киргизов, — ИАН КиргССР, т. I, вып. 1, 1959, стр. 93—125; е е же, Сведения о киргизах в Абдулла-наме Хафиза Таныша, — там же, СОН, т. II, вып. 3, 1960, стр. 173—181; е е же, Сообщения о киргизах в «Хидайат-наме» Мир Хань ад-дина, — там же, СОН, т. III, вып. 2, 1961, стр. 133—140; З. Н. Ворожейкина, Доисламские верования киргизов в XVI в., — ВФИСЗВ, стр. 182—189.

¹⁴¹ «История Киргизии», т. I, Фрунзе, 1963.

¹⁴² Протоколы заседаний см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1956), № 25, лл. 1—15 (1957), № 31, 32; протокол № 23, там же (1957), № 32, лл. 54—58.

И. П. Петрушевского, в 1959—1961 гг. зав. кабинетом был М. Н. Боголюбов¹⁴³.

Основным научным направлением работы Иранского кабинета ЛО ИВ, выделяющим его в системе академического ирановедения, являются описание, публикация и исследование памятников персидской письменности. Последние десять лет были наиболее результативными для научной разработки персоязычного рукописного фонда.

Кабинету удалось завершить полную печатную каталогизацию персидского рукописного фонда, решив тем самым настоятельную задачу, поставленную с первых лет существования АМ.

Издание краткого каталога¹⁴⁴, вообравшего в себя труды многих поколений иранистов и доведенное до конца сотрудниками кабинета, регистрирует 4790 персоязычных рукописей, из которых более половины не были отмечены в научной литературе. Шесть указателей и два приложения, изданные отдельно (ч. II), дают сквозную систематизацию фонда по тематическим разделам (их 75), времени и месту изготовления рукописей, переписчикам и наличию иллюстраций.

Изданный иранистами каталог является первым опытом полной каталогизации целого фонда в ЛО ИВ, т. е. первым реальным решением общей задачи, которую ставят перспективные планы перед многими кабинетами отделения.

Иранский кабинет продолжает издание серии полных научных описаний; выпуски этой серии охватывают определенные отрасли науки и литературы. Описания строятся по развернутой схеме¹⁴⁵, предусматривающей в основных пунктах характеристику научного значения сочинения, текстологический анализ каждого манускрипта и основную библиографию, касающуюся как сочинения, так и его списков, известных в литературе. При всей трудоемкости эта работа является необходимым этапом для углубленного исследования коллекции и выявления ее потенциальной ценности для истории культуры ираноязычных народов.

Географические, биографические и исторические сочинения

¹⁴³ М. Н. Боголюбов с 1958 по 1961 г. работал в ЛО ИНА (в 1946—1950 гг. здесь же аспирант и докторант).

¹⁴⁴ О. Ф. Акимушкин, В. В. Кушев, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. М. Мугинов, М. А. Салахетдинова, Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР, ч. I—II, М., 1964; см. также: Н. Д. Миклухо-Маклай, О. Ф. Акимушкин, В. В. Кушев, М. А. Салахетдинова. Некоторые редкие и уникальные персидские и таджикские рукописи в собрании ЛО ИНА АН СССР, — XXV МКВ, ДД СССР (издано также на английском языке; переведено на персидский язык) (журн. «Рахнама-и китаб», IV, 1961, № 1, стр. 38—43).

¹⁴⁵ Н. Д. Миклухо-Маклай, Описание, I, стр. 4—6.

(свыше 500 рукописей) получили подробное описание в работах Н. Д. Миклухо-Маклая¹⁴⁶.

При описании этой коллекции, содержащей сочинения X—XX вв. — некоторые из них в редких и даже уникальных рукописях, — Н. Д. Миклухо-Маклай ставил себе исследовательские цели охарактеризовать малоизученные источники, расширить и уточнить существующие представления об известных в литературе памятниках и обстоятельствах их создания. Непосредственная работа над текстом сочинения позволила автору «Описания» сделать целый ряд источниковедческих находок, прежде всего в таких вопросах первостепенной важности, как установление авторства и различных редакций для многих ранних, в том числе и известных, сочинений.

В качестве примера можно указать установление авторства известного космографического сочинения XII в. «Аджаиб ал-махлукат», так же как и авторства «Дополнения» к знаменитому «Тазкират ал-аулийа» Фарид ад-дина Аттара. Для всеобщей истории Хондемира, которой широко пользуются исследователи, Н. Д. Миклухо-Маклаю удалось выявить существование различных редакций, в одной из которых он проследил заимствования из «Записок» Бабура. Эти наблюдения нашли свое отражение в ряде специальных статей¹⁴⁷.

Работы Н. Д. Миклухо-Маклая делают достоянием историков обширную коллекцию критически охарактеризованных источников, дающую в целом достаточно полное представление об историко-географической литературе на персидском языке.

Исследованию историко-географических и биографических рукописей посвящены также статьи О. И. Смирновой, М. А. Салахетдиновой, В. А. Ромодина, О. Ф. Акимускина, А. М. Мугинова¹⁴⁸.

¹⁴⁶ «Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения», М.—Л., 1955; «Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии», вып. 2. Биографические сочинения, М., 1961, выпуск 3 «Описания» находится в издательстве. См. также: Н. Д. Миклухо-Маклай, Некоторые персидские и таджикские исторические, биографические и географические рукописи Института востоковедения Академии наук СССР, — УЗИВАН, т. XVI, 1958, стр. 235—279.

¹⁴⁷ Н. Д. Миклухо-Маклай, Географическое сочинение XIII в., на персидском языке, — УЗИВАН, т. IX, 1954, стр. 175—219; его же, Происхождение «Дополнения» к «Тазкират ал-аулийа» Аттара, — КСИВАН, вып. XXII, 1956, стр. 19—27; его же, Хондемир и «Записки» Бабура, — «Тюркологические исследования», Л., 1963, стр. 237—249.

¹⁴⁸ О. Ф. Акимускин, Два редких памятника мусульманской агрографической литературы, — КСИВАН, вып. 38, 1960, стр. 41—47; А. М. Мугинов, Исторический труд Мухаммада Шабангара'и, УЗИВАН, т. IX, 1954, стр. 220—240; его же, Ленинградская рукопись «Жизнеописание шейха Рузбихана», — СВ, 1957, № 6, стр. 114—116; его же, Персидская уникальная рукопись Рашид ад-дина, — УЗИВАН, т. XVI, 1958, стр. 325—375; В. А. Ромодин, Находка рукописи нового исторического сочинения, — СВ, 1958, № 6, стр. 89; его же, Новый источник по истории Ко-

Полное научное описание получила и коллекция персоязычных рукописей лексикографического содержания, насчитывающая около 150 списков; в этом направлении иранской филологии работает в кабинете С. И. Баевский¹⁴⁹. Рукописная коллекция персоязычных словарей собрания ЛО ИВ — одна из крупнейших среди известных собраний мировых хранилищ — содержит памятники лексикографической литературы XII—XIX вв., значительное число которых не изучено и не издано; для некоторых из них «Описание» дает первую характеристику в научной литературе.

Разнообразные словари персидского языка — толковые словари (фарханги), словари к отдельным произведениям персидской литературы, двуязычные словари (арабско-персидские, персидско-турецкие, тюркско-персидские) — рассмотрены автором «Описания» с точки зрения круга представленной лексики, принципов построения, наличия подтверждающих цитат; отмечены источники сочинения и его место в лексикографической традиции. Материалы «Описания» дают наглядное представление о развитии персидской лексикографии на протяжении многих веков и о ее связях с арабской и тюркской словарными традициями.

Отдельным рукописям фархангов Баевский посвятил специальные статьи и научные сообщения¹⁵⁰. Традиции составления арабско-персидских и персидско-тюркских словарей и их значение для иранской филологии рассмотрены автором в специальной работе¹⁵¹.

кандского ханства, — ПВ, 1959, № 3, стр. 110—112; его же, Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда, — ТМКВ XXV, т. III, М., 1963, стр. 58—63; М. А. Салахетдинова, Сведения о математической географии в персидском сочинении конца XIII или начала XIV в., — «Страны и народы Востока», вып. III, М., 1964, стр. 182—188; ее же, Об одном неизвестном сочинении по истории народов Поволжья, — «Страны и народы Востока», вып. IV, М., 1965, стр. 147—154; О. И. Смирнова, К истории самаркандского договора 712 года, — КСИВАН, вып. 38, 1960, стр. 69—79; ее же, «История Бухары» Наршахи, — КСИНА, вып. 69, 1965, стр. 155—179.

¹⁴⁹ С. И. Баевский, Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии, вып. 4. Персидские толковые словари (фарханги), М., 1962, Рец.: D. N. Mackenzie, — BSOAS, 1964, vol. 27, pt 2, стр. 498; Rahnama-ye ketab, Tehran, vol. 8—9, 1963, стр. 799; его же, вып. 5, Двуязычные словари, М., 1968.

¹⁵⁰ С. И. Баевский, Вторая рукопись Шамс-и Фахри в собрании ИВАН СССР, — ПВ, 1959, № 3, стр. 122—125; его же, Редкая рукопись персидского толкового словаря «Тухфат ас-саадат», — КСИНА, 1963, № 67, стр. 160—162. Перевод на персидский язык: журн. «Пеям-и новин», Тегеран, 1343/1964, т. VI, № 11—12, стр. 114—118; его же, Сихах ал-фурс, изд. Абд ал-Таэти (рец.), — НАА, 1964, № 5, стр. 202—203; «Нуха-йи надир-и Тухфат ас-Саадат», — «Пеям-и новин», Тегеран 1341/1962, т. V, № 2, стр. 28—29.

¹⁵¹ «Арабско-персидские и персидско-тюркские словари и их значение для иранской филологии», — «Иранская филология», Ташкент, 1966, стр. 303—313.

Кабинет завершает подготовку еще трех выпусков «Описаний», охватывающих произведения художественной литературы.

Отдельный выпуск серии составляет описание рукописей художественной литературы домонгольского периода, которая широко представлена в собрании ЛО ИВ (свыше 350 списков). Составители выпуска З. Н. Ворожейкина и Х. Н. Ниязов провели новый в методике каталогизации авторско-хронологический принцип сквозной систематизации литературного фонда. Поставив целью возможно полнее собрать литературное наследие каждого из 33 поэтов домонгольского времени (начиная от Рудаки и кончая Аттаром), составители сгруппировали воедино все относящиеся к тому или иному автору рукописные материалы собрания, включая сборники стихов, альбомы, отдельные стихотворения, литературный комментарий.

Выпуск подробно характеризует литературное наследие крупнейших домонгольских авторов, многие из которых представлены большими коллекциями рукописей. Среди них есть и редкие рукописи неизданных сочинений (Санай, Ансари, Хакани, Мухтари, Ахмад-и Джам).

Детальное сопоставление наших списков по объему, структуре и выборочно текстуальной тождественности с существующими изданиями (выполненными, как правило, без учета рукописей ЛО ИВ) позволило выявить заслуживающие внимания коррективы к изданным текстам. Описание фиксирует интересные добавления к изданным диванам Анвари, Баба Тахира, Низами, О. Хайама, Насир-и Хосрова. Некоторые наблюдения подобного характера опубликованы составителями в ряде статей¹⁵².

В качестве самостоятельного предмета описания и изучения выделены стихотворные сборники и альбомы (около 90 рукописей).

О. Ф. Акимушкин разработал для их описания оригинальную схему. Расположение материала (хронологическое, по культурным районам изготовления сборников) и подробная характеристика состава сборника (поэт, объем и жанры его произведений, включенных в сборник) дадут в руки исследователей новый материал для суждения о господствовавших литературных вкусах в то или иное время, их локализации и

¹⁵² З. Н. Ворожейкина, О литературном наследии Баба Кухи и Баба Тахира, — сб. «Иранская филология», Л., 1964, стр. 149—155; ее же, Лирические «фрагменты» Камал ад-дина Исмаила Исфাহани, — КСИНА, 1963, № 67, стр. 148—159; ее же, Диван Минучихри, — КСИНА, 1965, № 69, стр. 22—28; ее же, Диван Анвари. Публикация М. Ризави (рец.), — НАА, 1963, № 5, стр. 126—127.

степени устойчивости, хорошо показывают формы бытования персидской поэзии¹⁵³.

Форму интересного литературоведческого исследования приняло описание рукописей народной (безавторской) литературы. Выпуск охватывает повествовательные жанры фольклорной и потерявшей авторство персидской литературы — хикайаты, сказки, повести, дастаны; в целом они составляют значительную коллекцию (около 300 списков). Составители Н. Н. Туманович и Ю. Е. Борщевский проводят классификацию литературных произведений по сюжетам и их элементам, что позволит проследить любопытные параллели с другими народными литературами мира.

Работа над этим разделом Рукописного персоязычного фонда положена составителями в основу популярной публикации народных рассказов¹⁵⁴.

Введение к этому сборнику, написанное Ю. Е. Борщевским¹⁵⁵, ставит его автора в число исследователей письменной персидской народной литературы, изучение которой еще только начинается и материалы которой не систематизированы и плохо учтены.

Завершено в кабинете и полное научное описание небольшой коллекции афганских рукописей (36 списков на языке пашто), собранной еще акад. Б. А. Дорном и с того времени привлекавшейся к работе.

Эта коллекция (в Советском Союзе самая крупная), описание которой провел В. В. Кушев, содержит памятники художественной литературы, грамматические трактаты, агиографические и теологические сочинения XVI—XIX вв.; восемь из них, в том числе диван афганского поэта XVIII в. Рахима, поэма «Кисса-йи Махбуб» и др., как установил В. В. Кушев, представлены редкими и уникальными списками. Публикация этой работы введет в обиход специалистов новые памятники афганской письменности, которые расширят существующие представления о культурном прошлом афганского народа.

Подробное описание получила и коллекция персидских литографий и старопечатных книг ЛО ИВ (около 1650 томов).

Принципы этого описания, выполненного О. П. Щегловой, предусматривают расположение материала по тематическим рубрикам (около 50 рубрик, самая обширная — художествен-

¹⁵³ По материалам, полученным в ходе работы, опубликована статья: О. Ф. Акимускин, Комментарий на искусственную касыду Кивами Матарризи, — КСИНА, вып. 69, 1965, стр. 7—21.

¹⁵⁴ «Плутовка из Багдада», М., 1963 (36 переводов сделаны по рукописям ЛО ИВ).

¹⁵⁵ «Персидская народная литература», — там же, стр. 5—26; см. также: его же, Персидская повествовательная проза в Индии, — И. Канпу, Книга о верных и неверных женах или Бахар-и даниш, М., 1964.

ная литература), сведения об авторе и аннотацию сочинения, исчерпывающие данные об издании книги и основную библиографию. Каталог литографий и старопечатных книг ЛО ИВ, ранних и малораспространенных изданий на персидском языке, представляет собой ценный материал по истории книгопечатания в Иране и Индии. Каталог познакомит читателей с целым рядом редких изданий, не отмеченных в крупнейших библиотеках мира ¹⁵⁶.

Полезную работу провели О. Ф. Акимушкин и Ю. Е. Борщевский, опубликовавшие упоминавшийся выше систематический обзор литературы по персидским рукописям ¹⁵⁷. Материалы этой аннотированной библиографии, так же как и предлагаемые авторами принципы их подачи и расположения, являются заметным шагом вперед в решении насущной задачи иранистики — создания «Каталога каталогов» персоязычных рукописей, подготовке которого много внимания уделил в свое время акад. К. Г. Залеман.

Центральное место в научных планах кабинета занимают публикации и исследования памятников средневековой персидской письменности.

Перспективная программа публикаций намечает к первоочередному изданию свыше 60 сочинений: серию источников по истории Ирана, Средней Азии, Кашгара, Могулистана и Афганистана, географические и мемуарно-биографические сочинения, словари, трактаты по поэтике и каллиграфии, произведения художественной литературы и фольклора. Публикации введут в научный оборот малодоступные и неисследованные донные письменные памятники иранской культуры. Над реализацией этой программы работает большая часть сотрудников кабинета ¹⁵⁸.

Издание 1961 г. сделало доступным для специалистов памятник ранней географической литературы «Джахан-наме» ¹⁵⁹. Факсимильное издание редкой рукописи (сочинение дошло до нашего времени в двух списках) Ю. Е. Борщевский дополнил исследовательским введением, в котором впервые

¹⁵⁶ Каталог был сдан в печать в 1968 г. См. также: В. В. Кушев, Персидский фонд, — кн. «Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза», М., 1963, стр. 13—17.

¹⁵⁷ «Материалы для библиографии работ о персидских рукописях», — НАА, 1963, № 3, стр. 165—174; там же, 1963, № 6, стр. 228—241.

¹⁵⁸ Помимо названных ниже в Кабинете завершены работы по публикации: О. Ф. Акимушкин, «Хроника Махмуда Чураса» и С. И. Баевский «Фарханг-и Зафангуя ва Джаханпуйа», персидский словарь XIV в.; Л. П. Смирнова, «Тарих-и Систан» (перевод).

¹⁵⁹ Мухаммад ибн Наджиб Бакран, Джахан-наме, М., 1960; Переиздано в Иране: Мухаммад б. Наджиб Баكرآن, Джахан-наме. Матн-и джуграфийайи. Ба ду мукаддаме ва пандж фикрист ба кӯшиш-и дуктар Мухаммад Амин Риййахи, Тегеран, фарвардин 1342.

определил место сочинения в развитии географической мысли на Ближнем Востоке.

Завершена трехтомная публикация уникального манускрипта (и авторского экземпляра) сочинения Мухаммеда Казима (издатель Н. Д. Миклухо-Маклай, участники публикации Г. В. Шитов, Н. В. Елисеева, О. П. Щеглова)¹⁶⁰, дающая в руки специалистов важнейший источник по социально-экономической истории Ирана и Средней Азии первой половины XVIII в. Исследования Н. Д. Миклухо-Маклая, сопровождающие эту публикацию, детально характеризуют сочинение, собрав ряд ранее неустановленных сведений. Результатом первостепенной важности является установление факта полной авторской самостоятельности Мухаммеда Казима при составлении первых двух томов хроники.

Публикуется в русском переводе сочинение «Дастур ал-мулук» Самандара Термези, своеобразный памятник среднеазиатской литературы, дошедший до нашего времени в единичных рукописях. «Дастур ал-мулук» представляет интерес как образец художественной прозы Средней Азии XVII в. на таджикском языке, особенно под углом зрения развития традиционного на Востоке жанра «зеркала». Сочинение Термези одновременно является оригинальным источником по скупому отраженному в историографии периоду XVII в. Заслуга выявления исторических сведений в дидактической по форме прозе и их научная характеристика принадлежат М. А. Салахетдиновой, ею осуществлена и подготовка публикации.

Сотрудники кабинета З. Н. Ворожейкина и С. И. Баевский осуществили первый полный перевод на русский язык знаменитого литературного памятника XII в. «Чахар макале»¹⁶¹. Сочинение Низами Арузи, из которого специалисты черпают интереснейшие сведения по истории персоязычной литературы, является одним из самых ярких памятников персидской художественной прозы XII в. Композиционная стройность сочинения, сюжетная занимательность сорока двух новелл, введенных в книгу,— исторических анекдотов из жизни феодальной интеллигенции (секретарей-письмоводителей, поэтов, астрологов и врачей),— динамичность изложения делают «Собрание редкостей или четыре беседы» в русском пе-

¹⁶⁰ Мухаммад Казим, Наме-йи аламара-йи надире («Мироукрашающая Надирова книга»), т. I, М., 1960, т. II, М., 1965; т. III, М., 1966.

¹⁶¹ Низами Арузи Самарканди, Собрание редкостей или четыре беседы, М., 1963. Рец.: А. Гвахария, О русском переводе «Чахар макале», — ТТГУ, V, 1965, № 1, стр. 423—427; Gustav Glaeser, East and West, New Series, 1966, vol. 16, № 1—2, стр. 162—163; Х. Хамидов, Низами Арузи Самарканди приобрел русского читателя,— «Ленинский путь», Самарканд, 1963, № 176.

реводе доступным и привлекательным для широкого круга советских читателей.

Ценный документ в руки историков персидской литературы XIX в. даст публикация «Биографии Каим Макама», которую завершила Н. В. Елисеева. Единственная рукопись этого сочинения, привезенного Ю. Н. Марром из Ирана, содержит подробное жизнеописание Каим Макама — известного литературного и политического деятеля первой трети XIX в., считающегося реформатором персидского прозаического стиля.

Говоря о работе над Рукописным фондом, проводимой сотрудниками кабинета, надо упомянуть и искусствоведческое направление в исследовании персидской рукописной книги. В этом направлении, ведущим начало в АМ от Ф. А. Розенберга, успешно работает О. Ф. Акимушкин. Занимаясь комплексно разными аспектами истории персидской рукописной книги, техникой ее изготовления и художественного оформления, О. Ф. Акимушкин особое внимание уделяет персидской палеографии и истории миниатюры XIV—XVII вв.¹⁶²

В кабинете продолжают и исследования современной литературы.

Книга З. Н. Ворожейкиной об Иредж-Мирзе¹⁶³ явилась первым в иранистике монографическим исследованием, посвященным персидскому поэту XX в. Интерес к этому популярному поэту 20-х годов появился у автора во многом под влиянием восторженных отзывов Ю. Н. Марра и К. И. Чайкина, лично знавших поэта. Иредж-Мирза занимает одно из центральных мест в блестящей плеяде поэтов-новаторов, положивших начало обновлению и демократизации современной поэзии Ирана. Поэтому автор, анализируя творчество Иреджа, закономерным образом касается таких важных проблем современного иранского литературоведения, как становление гражданской поэзии, появление национальной детской литературы, зарождение интереса к иноязычной поэзии и первые опыты ее художественного перевода, демократизация поэтического языка и стиля.

Одно из «белых пятен» истории современной таджикской литературы заполняет исследование Х. Н. Ниязова, посвя-

¹⁶² «Лицевая рукопись из собрания ИНА АН СССР», — сб. «Ближний и Средний Восток», М., 1962, стр. 76—82; Мир Имад, Альбом индийской и персидской миниатюры и каллиграфии, М., 1962 (совместно с А. А. Ивановым и Т. В. Грек); «Искандер Мунши о каллиграфах времени шаха Тахмаспа I», — КСИА, 1963, № 39, стр. 20—32; «Легенда о художнике Бехзаде и каллиграфе Махмуде Нишапуре», — НАА № 6, 1963, стр. 140—143.

¹⁶³ Иредж-Мирза, Жизнь и творчество, М., 1961; Рец.: Franciszek Machalski, — Przegląd Orientalistyczny, Warszawa, 1963, № 1 (45), стр. 60—61; В. Б. Кляшторина, — НАА, № 4, 1963, стр. 227—229.

ценное поэтическому творчеству Садриддина Айни¹⁶⁴. Автор характеризует двуязычное, таджикско-узбекское, поэтическое творчество основоположника современной таджикской литературы С. Айни, которое не имело достаточного освещения в науке.

Заслугой Х. Н. Ниязова является библиография стихов Айни, приложенная к книге; она насчитывает 182 названия (до него наиболее полная библиография включала 87 стихотворений).

Интерес к современной художественной литературе Ирана проявляется также в переводческой деятельности сотрудников кабинета. А. Н. Рагоза, В. В. Кушев, З. Н. Ворожейкина, Л. П. Смирнова, Н. В. Елисеева, С. И. Баевский выступают в печати с переводами произведений популярных новеллистов современного Ирана — С. Чубака, Джалал Ал-е Ахмада, Джамал Мир Садики, Расула Парвизи, Бузурга Алави¹⁶⁵.

Работа над научными архивами востоковедов прошлого также входит в планы кабинета.

Трудами сотрудников кабинета дан обстоятельный научный обзор архива В. А. Жуковского¹⁶⁶ и опубликованы его работы или материалы его собраний¹⁶⁷, подробно описаны архивные материалы акад. В. В. Бартольда (Н. Н. Туманович), разобран и охарактеризован в специальной статье архив Ю. Н. Марра (Н. В. Елисеева), дано предварительное обозрение рукописных материалов К. И. Чайкина, приобретенных АВ в 1958 г.¹⁶⁸.

Исторические и лингвистические исследования, которые ведут иранисты отделения О. И. Смирнова, Н. Д. Миклухо-Маклай, В. А. Ромодин, А. Н. Рагоза, И. М. Оранский, В. А. Лившиц, Л. П. Смирнова, В. В. Кушев, С. И. Баевский, а также работавшие в кабинете до последнего времени И. П. Петрушевский, М. Н. Боголюбов, А. Л. Троицкая, Г. В. Шитов, охарактеризованы в соответствующих разделах настоящей книги.

¹⁶⁴ «Путь Садриддина Айни — поэта», М., 1965.

¹⁶⁵ См. сборники: «Рассказы писателей Востока», Л., 1958; «Восточная новелла», М., 1963; «В ту ночь, когда шел снег», журн. «Ровесник», 1964, № 4; «Тугой узел», М., 1968.

¹⁶⁶ Ю. Е. Борщевский, К характеристике рукописного наследия В. А. Жуковского, — ОИРВ, V, 1960.

¹⁶⁷ Ю. Е. Борщевский, «Тарих-и мухтасар-и би-дурог» Али-хана Каджара Захир од-Доуле Сафи Али-шаха, — там же, стр. 63—114; В. В. Кушев, Два рукописных мухамасса из собрания В. А. Жуковского, — КСИНА, вып. 69, стр. 29—45.

¹⁶⁸ Ю. Е. Борщевский, Обзор рукописного наследия К. И. Чайкина, — БАВ ЛО ИНА, 1961, № 1, стр. 28—39 (на правах рукописи).